

ВИКТОР МИШИН

ПАРТИЗАН

Боевая фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

В игре. Партизан

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

В игре. Партизан / В. М. Мишин — «АСТ», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109180-4

Наш человек из двадцать первого века попадает в тысяча девятьсот сорок первый год, в самые первые дни Великой войны. Он понимает, что главная задача – выжить. Он честно сражается на полях Великой Отечественной Войны в густых лесах Белоруссии. Летят под откос вражеские эшелоны с танками, давятся гусеницами на аэродромах самолеты люфтваффе, освобождаются взятые в плен бойцы Красной Армии. Но...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109180-4

© Мишин В. М., 2018
© АСТ, 2018

Виктор Мишин

В игре. Партизан

© Виктор Мишин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

«Семнадцать часов, тридцать две минуты. Объект три нуля двести сорок пять. Место и время прежнее, отсчет пошел. Десять, девять, восемь, семь...»

«Эл, у меня сеть неактивна!» – произнес в микрофон чей-то голос.

«Твою мать, *смотрители!*» – озабоченно, точнее даже со страхом в голосе вступил в разговор второй голос.

«Эй, шпана, кыш из сети, ваши “ай-пи” засвечены!» – а вот требовательный третий был уверенным и строгим.

Человек,двигающийся с металлодетектором, внезапно споткнулся, казалось бы, на ровном месте и, чертыхнувшись, упал в траву.

«Перенос совершен. Начинаем фиксировать длительность эксперимента три нуля двести сорок пять».

«Ну чего тут?» – новый голос и новый вопрос.

«Опять малолетки в параллели игру устроили!» – опять тот же властный.

«Сворачивать будем?»

«Да они человека успели закинуть в прошлое...»

«Черт. Ну, не в первый раз уже...»

«Да жалко, блин, мужик из моего города!»

«Ты же знаешь, что не поможем...»

«Я ему сейчас “чит” сброшу, если сутки выдержит, дальше легче будет!»

«Там и сутки как целая вечность! “Чит”-то хоть серьезный?»

«И все же я помогу. “Чит” отличный, создатели отдыхают. Пять попыток у него будет, да и “чит” не фиксируемый, никто не узнает, сделали умельцы одни...»

«Ну, запускай!»

Меня мучительно рвало уже пару минут. Не понимая, что со мной происходит, я даже не удосужился оглядеться по сторонам. Видел только сырую, осыпавшуюся комками землю у себя перед носом, слышал какой-то грохот вокруг и чувствовал ужасную вонь. Спустя еще минуту в спину что-то ударило, и я нехотя повернулся, вытирая рукавом рот.

– Боец, какого хрена ты тут рыгаешь, что, крови испугался? – Передо мной стоял... да нет, откуда?

– Вы кто? – не найдя, что еще спросить, вымолвил я.

– Ты совсем умом поехал, Зверев?

Это типа моя фамилия? Твою мать, да что тут происходит-то?

– У меня с головой что-то, вообще не понимаю ничего...

– Сейчас в атаку пойдем, там и поймешь! – Мужик, что орал на меня, поглядел мне за спину, а затем обернулся и звонко так, призывно выпалил: – Рота, в атаку, вперед!

Я продолжал стоять истуканом, но теперь уже видел впереди себя траншею, что уходила куда-то за спину орущего. Командира? Ну, наверное, а кем мог быть мужик в фуражке и с тремя кубарями в петлицах? Историю изучал, припоминаю.

– Зверев, мать твою за ногу, тебе что, дезертирство впаять? Так я тебя сам сейчас шлепну, чтобы не мучиться с тобой больше. По законам военного времени.

Наган, до этого мелькавший в руке у неизвестного командира, устался мне в лоб. Я машинально вскинул руки к голове, но тут из ствола вылетела вспышка, и резкая, до охренения дикая боль пронзила мою голову. Ноги подкосились, и я завалился на дно траншеи. Последнее, что мелькнуло в сознании, перед тем как все почернело: «Да меня же в прошлое занесло!»

Зовут меня Игорь Зверев, мне тридцать пять, я исследователь. Нет, не копатель, даже ни разу. То, что я хожу по местам боев времен Отечественной войны с металлоискателем, просто совпадение. Я практически не копаю, так, шурфы делаю, только для того, чтобы определить конкретное место. Дело в том, что я составляю карты боев, ну, вот интересно мне это, да и платят неплохо. Люди, кому я толкаю карты, прекрасно знают, что я только карты делаю, сам не копаю, поэтому охотно покупают. Ну, а что тут плохого? Собрались люди в определенный район на коп, где копать, как располагались войска по обе стороны фронта, это же надо узнавать где-то, время тратить, а я себя за два года уже зарекомендовал. Лазаю я на основании архивных записей в журналах боевых действий, ну вот была возможность, попал в архив случайно. Планы, кроки, все это сухие отчеты, а я делаю фотки и привязываю их к картам. Люди, купившие у меня файл, находят позиции любой части в несколько минут. Конечно, я не лазаю по всех лесам, составляя карты метр за метром. Просто посидев на форумах в свое время, выяснил для себя наиболее интересные для копателей места, вот их и исследую.

«Попытка номер два, отсчет пошел!»

Вот ведь блин, а я думал, что мне приснилось то, что я слышал в первый раз.

Грохот вокруг, опять рвота и тычок в спину. Обернувшись на этот раз быстрее, вижу перед собой того же мужика, что вроде бы только что меня застрелил.

– Боец, какого хрена ты тут рыгаешь, что, крови испугался? – Так, кажется, каша в голове сейчас начнет выкипать. Я же это слышал, причем только что...

– Вы кто? – Блин, да я точно это уже спрашивал!

– Ты совсем умом поехал, Зверев?

О, а сейчас он прикажет атаковать кого-то...

– Рота...

– В атаку. Вперед! – проговорил я вместе с мужиком.

– Ты чего, салага, издеваешься? Тут приказы я отдаю! – Видимо, я произнес команду громче, чем мне показалось.

– Виноват, тащ командир, – проговорил я и, обернувшись туда, куда устремились другие люди, то есть бойцы, конечно, теперь-то я их распознал, начал вылезать из окопа.

– Бегом, твою мать, быстрее! – подгонял командир. – А то расстреляю как дезертира!

О, в это я охотно верю, уже испытал на себе. Что же это такое было-то?

Додумать не успел. Рядом, буквально в пяти метрах от меня по правую руку, кто-то вскрикнул. Повернув голову, увидел лежавшего бойца. Черт, да, это именно боец РККА. Только сейчас я осознал, ну да, сошло откровение, что этот эксперимент, о котором говорил голос в голове, был переносом в другое время. И время-то, похоже, военное...

Сообразить опять не успел. Прилетев на этот раз по ребрам, удар сапогом «разбудил» меня. Я лежал на земле и боялся поднять голову. Вокруг то тут, то там разлетались всякие предметы, судя по свисту, пули или осколки.

– Ты, сука, опять лежишь?! – тот же голос, что приказывал еще в окопе, раздался у меня над ухом...

– Встаю уже, встаю! – проямлил я и встал на одно колено.

– Да не надо.

Я повернул голову в сторону командира и увидел знакомый ствол. Вспышка – и темнота.

«Попытка номер три».

О, опять тот же голос в голове!

Земля передо мной покрывалась рвотой. Черт, опять, что ли? Я уже начал осознавать, что меня закидывают раз за разом, едва я помираю.

– Боец, какого хрена...

– Я уже закончил, – перебил я командира и вытер рот.

– Готов к атаке? – О, ответил по-другому, и командир уже не угрожает револьвером.

– Как пионер! – кивнул я, оборачиваясь, чтобы найти взглядом того, кто в прошлый раз упал замертво рядом.

– Рота...

Вылез я одним из первых. Да вот только пробежать сумел буквально три метра. Прямо передо мной встает фонтан земли, и мое тело содрогается от ударов чего-то твердого и горячего. Темнота.

«Попытка номер четыре...»

«Черт возьми, мне начинает надоедать умирать через несколько минут, да и больно это».

– Все нормально, товарищ командир, – не дав командиру открыть рот, крепко сжимаю винтовку в руках, глядя тупо перед собой.

– Рота... – Нет, в первых рядах я уже не полезу, попробую чуток подождать. Повторного приказа дожидаться я не стал, рванул через мгновение, когда отметил про себя, что кто-то уже бежит впереди.

– Эй, боец, забыл, как тебя? – я крикнул тому бойцу справа, что должен умереть через несколько секунд. – Ложись, быстро! – Не успел, да и как успеть, разве кто-то бы меня понял в такой ситуации? Парень рухнул замертво, а я продолжил движение. Как же это хреново, знать, что сейчас умрет тот или иной человек, а может, и все разом, и ничем не помочь!!! А-а-а, МАМА, РОДИ МЕНЯ ОБРАТНО!

Вот на хрена я бегу? Только подумал, как слева рвануло, ага, там я в прошлый раз сдох. Упав, сделал перекат и выставил ствол винтовки в направлении врага. Вокруг всерьез усилилась стрельба. Стреляют и спереди и сзади, странно, но я явно задержался в этот раз... Очередной разрыв снаряда грохнул совсем рядом, здорово оглушив меня. Тряхнув головой, понял, что вижу врага. Фигурки в сером мельтешили буквально в полутора сотнях метров впереди. Это сколько же между нашими позициями? Метров около трехсот? Вряд ли я пробежал больше сотни. Близо, как еще нас с дерьмом не смешали, уму непостижимо. Пулемет врага практически напротив меня, захлебываясь, стегал ленту за лентой. Медленно подвожу прицел и совмещаю мушку на каске первого номера. Щелкнув вхолостую, чуть не стукнул себя по лбу, идиот, даже не удосужился проверить винтовку. Хотя когда бы я успел это сделать?

Открыл затвор и обнаружил отсутствие патронов, а где их взять? Руки охлопывают карманы и не находят ничего похожего на боезапас.

– Отлично, я еще и без патронов, зашибись. – Повернув голову в сторону, в нескольких метрах нахожу глазами тело бойца, а рядом с ним винтовку. Как до нее добраться, пока не понимаю, но что-то делать нужно. Начинаю движение, винтовку тяну за собой за ремень. Мед-

ленно, буквально по несколько сантиметров, перемещаю тело в направлении убитого бойца. Что-то резко дергает за ногу, блин, опять, что ли, ротный пристрелить хочет? Через секунду боль, резанувшая ногу, дала понять, что я ранен. Вот что такое попадание пули. Жжение, как будто раскаленное железо приложили в ляжку. Рядом взлетают фонтанчики земли, пулеметчик, сука, то ли видит меня, то ли добивает лежащих. До винтовки остается несколько метров, когда ловлю новый удар, теперь куда-то в бок, и вместе с оглушительной болью на меня наваливается уже привычная темнота...

«Последний шанс».

Слова новые, но в прежней интерпретации проносятся фоном в голове. Патроны, мне нужны патроны! Рядом в окопе нахожу углубление в земле. Там лежит каска, а в ней патроны россыпью. Точно, на мне же нет каски! Нахлобучиваю кастрюлю и застегиваю ремешок под подбородком. Быстро обтирая об себя, заталкиваю патроны в магазин винтовки, закрываю затвор. О, успел, вот и приказ. Рву вперед, несколько шагов, смена направления, взрыв справа, через несколько секунд слева. Падаю, ползу вперед не глядя. Перекат, укрываюсь за одним из убитых. Нет, далековато, нужно еще вперед. Что-то щелкает в голове, блин, а вот на хрена я туда бегу-ползу, а? Ну добегу, а дальше что? Бойцы вокруг меня падают один за другим, этак я тут вообще один останусь. Осмотревшись, замечаю труп метрах в пятидесяти перед собой, вот оттуда было бы уже можно попробовать пострелять, если враги дадут.

Сколько я полз, ума не приложу, но долго. Когда наконец остановился, укрывшись за трупом, обнаружил рядом ротного, ага, того, что завалил меня при прошлых попытках сюда попасть. Командир лежал метрах в пятнадцати левее меня и что-то кричал.

– Да не понимаю я тебя, хрен ли ты орешь? – ответил я, так же понимая, что и ротный меня не услышит. А я ошибся, народ-то вокруг подтягивается, не один я такой везучий. Пристроив на ногах убитого бойца свою винтовку, начал искать цель. Пулеметчика я почти не видел, даже очертания были смутными, вспышки выстрелов мешают. А, ладно, попробуем. На удивление, я успел сделать два выстрела, прежде чем пулеметчик попытался развернуться. Стреляя в третий раз, я уже понял его местоположение за пулеметом. Заткнулся стрелок ненадолго, видимо, второй номер оказался расторопным. Но и у меня еще оставались два патрона, с непривычки истратил оба, но пулемет заткнулся. На нашем участке, а как я понял, он был шириной метров в триста, других пока было не видеть, может потому, что мы наступали узким клином. И тут произошел очередной приступ идиотизма у ротного. Умолкнувший пулемет противника принес с собой необычную тишину. Вроде как и стрельба идет, но я отчетливо слышал:

– Рота, броском вперед! – Твою мать, ну что, в шестой раз начинать сначала? Так, стоп, там ведь звучало что-то про последний шанс... Да пошло оно все, не встану, нехай стреляет. Или, может, мне самому... того, выстрелить...

Покинув свою ухоронку за трупом, пополз вперед, огибая небольшие воронки и лежащие тела. Времени подумать о том, где я и когда, до сих пор не было, ползу. Противник, дождавшись, когда мы поднимемся, ну, все почти встали, кто еще мог, открыл минометный огонь. Первой же миной, со свистом прилетевшей с неба, убило ретивого командира роты, земля ему... Бойцы как по команде попадали и начали пятиться, а вот это хреново. Если с таким трудом мы почти дошли до позиций врага, к своим вернуться вряд ли кто-то сможет. Да и мало тут фрицев, вряд ли больше роты, это и по минометам понятно, стреляют максимум два и калибр небольшой, воронки маленькие. Винтовку я уже перезарядил, но вот с минометчиками тягаться не смогу, они где-то укрыты, суки, но вот козла с биноклем и поднятой рукой вижу, вон он, метров сто до него всего, но я, блин, теперь без «укрытия», но стрелять все же нужно.

– Мужики! Нельзя назад, всех передавят, пока ползем, паршивых сотня метров осталась, вперед-ед! – Кто так крикнул, я не знаю, не видно, да и непонятно ни хрена, но оглянувшись, отметил, что бойцы остановили бегство. Вперед пока не лезут, просто остановились в нерешительности, но хоть пятиться перестали.

– Эй, кто из командиров есть? – это уже я.

– Сержант Черный, ты кто? – донеслось в ответ.

– Зверев я. Слышь, сержант, я корректировщика сейчас сниму, но надо вперед идти, осталось-то!

– Давай, – ответил сержант и тут же крикнул громче: – Мужики, давай вперед. За Родину, мать вашу! – Призыв подействовал.

Сняв наблюдателя, я заставил минометы заткнуться. Сам, не вставая, пополз вперед. Остальные бойцы уже поравнялись со мной. Теперь я смог разглядеть сержанта. Мужик оказался рядом, всего в пяти метрах. Крепкий, видно, что немолод уже, но за счет сложения выглядел внушительно. Немцы неожиданно сбавили темп стрельбы, нервничают. Минометы ухнули было по прежним координатам, но мы-то уже ближе к их позициям, поэтому продолжать не стали. Вновь появившегося пулеметчика метким выстрелом снял кто-то из бойцов, и фрицы побежали. Отчетливо видно, как они направились в тыл. Длинных ходов сообщения, видимо, у них нет, поэтому многие вылезали из окопов и бежали, пригибаясь, становясь при этом хорошими мишенями.

– Вперед, догнать надо! – крикнул сержант. Блин, теперь этот тупит.

– Сержант, сдурел, что ли? Кого догнать? Думаешь, их там два-три человека? Вот же они, стреляй – не хочу! – крикнул я и несколькими выстрелами положил двоих. Надо отметить, что возмущаться сержант не стал, тоже открыл огонь в спины противника. Никаких угрызений совести у меня не было, и я стрелял даже с удовольствием.

Вообще, мне приходилось видеть войну, хоть и не в таких масштабах, но тут и мне как-то поплохело. Мы все-таки заняли траншеи противника. Так как был уже вечер, часов восемь вроде, фашисты не стали отбивать назад свои позиции, на утро, наверное, оставили. Это дало нам возможность перевести дух, прибарахлиться и даже перекусить.

– Слушай, Зверев, ты ведь вроде хуже всех в роте стрелял, как же ты столько немцев подстрелил? – Видимо, это «тело» не только трусом было, а еще и стрелком никудышным.

– Жить захочешь, еще не такое научишься делать, – ответил я просто. – Сержант, все это хорошо, конечно, но утром немчура вернется, есть предложения?

– Будем стоять, сколько сможем...

– А приказ-то какой? – перебил я.

– Стоять до последнего, сдерживать врага, насколько я слышал. Надо дать возможность нашим прислать подкрепление.

– Я, конечно, не командир, да только думаю, что никто к нам уже не придет. Сколько нас тут было?

– Рота, соседи рядом должны быть.

– Надо послать кого-нибудь наших, а то захлопнут нас утром в колечко, да и баста! – Поосторожнее нужно быть, не привыкли тут от таких, как я, слышать умные слова.

– Уже отправил двоих, в разные стороны, должны найти батальон. Ты вот что, Зверев, сможешь справиться с немецким пулеметом?

– Не знаю, но думаю, разобраться можно, ведь это всего лишь оружие, – пожал я плечами. – А что, у нас пулеметчика нет?

– Да убили его, во время атаки шел в полный рост, наштиговали так, что места живого нет.

– Ясно, сейчас гляну. – Я двинул к бывшей позиции немецких пулеметчиков. Вообще, всего было две точки, хорошо видел, когда мы близко подползли. Так и вышло, через несколько

минут притащили еще один. Усевшись с одним из бойцов за чистку и освоение МГ-34, не забыл и осмотрел позиции на предмет сменного ствола и перчаток, и ведь нашел. Хорошо мы так прибарахлились, два пулемета, пяток автоматов и немалая куча винтовок. Патроны, гранаты, в том числе и дымовые, приятно порадовали. Сам сержант, в отличие от меня, сползал чуть дальше в сторону немцев и нашел две ямки, в которых стояли готовые к стрельбе минометы, как и думал, маленькие, ротные. По два десятка мин к каждому стволу.

– Вот черт, я всех обошел, никто с минометом незнаком, да я и сам не знаю, как там и чего. – Спустя час, когда солдаты уже отдыхали, мы вели беседу с сержантом Черным, вот же фамилия.

– Так-то сложного ничего нет, стрелять начнем, пойдем...

– Надеюсь, что танков тут у фрицев нет, а то беда, – не дослушав меня, перебивает сержант.

– Сержант, как тебя по имени-то? – спрашиваю я.

– Анатолий, – протягивает руку.

– Игорь, – жму крепкую, мозолистую руку командира. – Известий не было?

– Да пока никто не вернулся, вот же... – выругался сержант.

– Ничего, надеюсь, еще появятся. – И блин, появились. Я только закончил ставить растяжки, ага, а чего время зря тратить, тем более обнаружили у фрицев в блиндаже целый ящик наших «эфок», когда вернулся один из посыльных, а с ним...

– Сержант, кто командует ротой? – да с таким пренебрежением в голосе, что захотелось дать по морде, хотя и обращались не ко мне.

– А вы кто, товарищ командир? – Отдаю должное сержанту, не из робких.

– Что?!! Как вы разговариваете со старшим по званию? – мгновенно взвился пришедший с посыльным петух. Петухом я его в сердцах окрестил, как только увидел. От нашивок на форме аж в глазах рябит, хотя и темно давно.

– Извините, товарищ командир, но в темноте не видно вашего звания, – влезаю я, ну не сдержался.

– Боец, к тебе я не обращался пока! – выплюнул в мою сторону неизвестный.

– Да мне вообще пофигу, – буркнул я и отошел.

– Сержант, я батальонный комиссар Ежов, доложите как следует!

– Товарищ батальонный комиссар, а документы ваши можно. – Куда меня несет?..

– Что?!! – взвыл комиссар. Блин, да он меня сейчас кончит прямо тут, а мне это надо, по новой все начинать? Так, опять забыл, надо язык-то придержать, это ведь последняя попытка.

– Товарищ комиссар, диверсантов вокруг много, мало ли, нам политрук постоянно твердил о бдительности.

– Смотрите! – Комиссар выхватил из кармана удостоверение и сунул ближе к сержанту. Тот мельком взглянул и кивнул мне, зовя на помощь.

– Разрешите? – я протянул было руку, но комиссар убрал книжицу так же быстро, как и достал.

– Сколько бойцов в строю, что собираетесь предпринимать? – начал вновь задавать вопросы комиссар. Я незаметно пихнул ногой сержанта, и тот не обманул моих ожиданий.

– Мало, товарищ комиссар, от роты почитай и не осталось никого, все командиры погибли во время контратаки. – О, так я появился прямо перед контратакой, интересненько, может, сейчас еще что-то важное узнаю, а то я даже не знаю, какой сейчас год, да и вообще, где мы, что и как.

– Пришлю вам старшего лейтенанта Марченко, он без взвода остался, у нас тоже потери. Приготовьтесь отступать, позади, в километре, есть мост, задача – не дать врагу его уничтожить. Как поняли? – Я хоть и не местный, но и то вкурил, что комиссар какой-то бред несет.

– Как же так, товарищ комиссар, нам командир роты задачу поставил занять немецкие позиции, сказал, что отступать нельзя ни при каких обстоятельствах, стоять насмерть.

– Этого уже не требуется, позади нашими частями подготовлены позиции для обороны, да и главное, как я сказал, надо сохранить мост.

Если я хоть чего-то смыслю в тактике, то при отходах коммуникации обычно рвут, а не сохраняют для противника.

– Вас понял, товарищ комиссар, – козыряет вслед уходящему комиссару Черный.

– Ты чего-нибудь понял? – это он уже ко мне обращается.

– Ага, это и есть немецкие диверсанты. Слушай, сержант, я тебе пару вопросов задам, только ты меня за дурака не принимай, ладно?

– Ну? – уставился на меня командир.

– Какой сейчас год? Да и месяц не помню, – я сделал самое наивное выражение лица, хотя рассмотреть в темноте все равно трудновато.

– Видать, тебя и правда всерьез приложило. А мне ротный говорил, что ты какой-то дурной... Что, правда ничего не помнишь?

– Угу, – промычал я в ответ, отведя взгляд.

– Тебя утром контузило, мина рядом рванула. Ты же полдня провалился в окопе, орал так, что пришлось тряпку в рот пихать, чтобы замолчал.

– Ни фиги не помню, – растерянно проговорил я.

– Июнь на дворе, двадцать седьмое. – Ну-ну, сержант, продолжай. Я мысленно подгонял замолчавшего было командира.

– Что, и год не помнишь?

– Блин, сержант, да ни хрена я не помню, что ты заладил-то! – вскипел я.

– Так сорок первый, – как-то удивленно произнес сержант.

– Охренеть, дорогая редакция! – вырвалось у меня. Сорок первый, лето, да-а-а... Вот это помечтал в прошлое попасть! И что теперь?

– Так ты с пулеметом закончил? – прервал мой ступор командир.

– Да, и с минометом, похоже, разобрался. Только не пробовал.

– Молодец, – повеселел командир, – ничего, с утра постреляем.

– Так чего, отходить не будем? – удивился я решимости сержанта.

– Да пошли они на хрен, еще посмотрим, что там за старлей придет.

– Уже пришёл, что тут происходит? Представьтесь! – раздался чужой голос за спиной сержанта.

– Сержант Черный.

– Красноармеец Зверев, – я тоже решил представиться.

– Старший лейтенант Марченко, почему до сих пор не собираете людей?

– А куда, товарищ старший лейтенант, в тыл?

– Вам было приказано собрать людей...

– Так, может, прямо к немцам? Вот они рады-то будут! – брякнул я. – Русские наступали-наступали, а потом взяли и ушли, потеряв кучу народа...

– Молчать, вас вообще за такие разговоры нужно под трибунал отдать!

– Вы сначала, товарищ старший лейтенант, документы покажите, а то командуete здесь, а вас тут и не знает никто, – вмешался сержант и встал так, чтобы я сам хорошо видел пришедшего.

– Сержант, вы забываетесь...

Мне надоел этот треп, и я поступил так, как подсказывало мне тогда сердце. Рядом с нами никого больше не было, так что никто и не увидит. Выбросив вперед ногу, черт, тело досталось совсем дубовое, аж между ног заныло, я вбил подошву сапога в живот старлею. Сержант не остался стоять столбом, а набросился сверху на сложившегося пополам незнакомца. Через

мгновение тот уже лежал на земле, придавленный мощным сержантом, а я, достав документы из кармана старлея, принялся их изучать, освещая его же фонариком, немецким, кстати.

Мне повезло, да и сержанту тоже. Документы были подделкой, причем сработанной буквально на коленке, немцы нас вообще за людей не считают.

– Ну и кто ты такой, сокол ясный? – Сержант поднял за подбородок голову лжелейтехи, так как лежал тот на животе.

– Вас всех ждет трибунал! – прошипел тот.

– Но ты уже этого не увидишь! – Я достал нож из сапога, немецкий, от карабина, и, отодвинув сержанта в сторону, точнее грубо отпихнув, воткнул тесак под лопатку шпиону. Даже глазом не моргнул, хорошо я в реалии вписался.

– Ты чего, сдурел, что ли? А сведения? – ошарашенно глядя на меня, хлопал глазами командир.

– Какие тебе, в задницу, сведения? Диверсанты это, ты лучше думай о другом, сержант. Если они где-то рядом, то нам придется завтра ждать удара в спину.

– Черт, а куда у нас посыльный делся? – сержант растерянно обвел округу взглядом.

– Думаю, лежит где-нибудь, с перерезанным горлом. Остывает.

Быстрые поиски результата не принесли, боец как сквозь землю провалился.

– Что делать будем? – ругался как сапожник сержант.

– Надо наших искать, как хочешь. – Это и так было ясно, вопрос в другом. Если вокруг не только фрицы, а еще и долбаный «Бранденбург», то дело сложное.

– Я сам пойду, помню, где был штаб полка, надо туда идти, видимо, батальону уже хана...

– Ты единственный командир на всю нашу роту, пойду я. Где, говоришь, штаб полка?

– Хорошо, – чуть подумав, начал сержант, – деревня Зяблищи, километра четыре на юго-восток. Мимо рощи пойдешь, забери правее, там тропинка есть, выведет к ручью, он мелкий, перейдешь, а там уже сообразишь, путь один, не ошибешься, – все-таки согласился на мое предложение сержант.

– Я возьму один из фрицевских автоматов, с ним сподручнее будет, хорошо?

– Да бери что хочешь, если тебе нравится, чего-чего, а стволов у нас как грязи... – буркнул Черный и тихо добавил: – Перед атакой бы столько.

Выбрав один из двух автоматов, что пока оставались не востребованными, проверил, не забит ли грязью. Снарядил четыре магазина патронами, еще россыпью добавил по карманам, взял несколько гранат и направился на поиски пресловутого штаба полка.

До рощи добрался быстро, благо вокруг стояла тишина, только сзади немцы «люстры» периодически подвешивают. Под деревьями наткнулся на несколько трупов, в темноте даже не понял, наши или немцы, прошел мимо. У ручья пришлось остановиться и ползти, впереди кто-то шуршал травой, явно люди, так как и голоса слышатся, только уж очень тихие. Берег у этого ручейка был довольно сильно заболочен, аккуратно не подойти, да и не перепрыгнуть воду. Ручей в ширину пару метров, но из-за берегов точно не смогу.

– Кто тут? – резкий окрик заставил вздрогнуть.

– А кого ты хотел увидеть? – отвечаю, смысла молчать не было, человек появился буквально в нескольких метрах от меня.

– Кто ты? – человек направился ко мне.

– Стой, где стоишь, сам-то кто такой?

Человек, дернувшись было, остановился. Рук его я не видел, но уловил движение справа. Меня явно обходили. Начав пятиться, я не отпускал автомат.

– Стой, куда собрался? – спросил незнакомец.

– Пойду своей дорогой, не надо мешать. – Замысел врагов, как чуть позже оказалось, именно врагов, выдало движение. Правее говорившего раздался звук взводимого затвора. Упав на колено, я дал очередь в незнакомца и быстро перенес огонь в сторону. Первый рухнул

как подкошенный, зато справа раздалась очередь. Пули прошли выше, скорее всего, стреляли больше на звук и вспышки выстрелов. Дав в ту сторону пару коротких очередей, кувырнулся в камыши. Больше не стреляли, но выходить не хотелось. Черт, самое смешное, что это могли быть и наши, вот влип-то! Но надо все равно что-то делать. Так, а ну-ка...

Немецкая граната на длинной рукоятке, описав невысокую дугу, шлепнулась там, где я предполагал наличие врага. Последовал вскрик, какой-то непонятный, затем рвануло – и наступила уже полная тишина. Так, смотреть или сразу валить отсюда, вдруг еще набегут. Медленно, чуть ли не ползком направился в сторону берега. Сначала наткнулся на следы разорвавшейся гранаты, а чуть дальше лежало тело. Форма наша, но... ППД с расщепленным прикладом валялся рядом с телом погибшего. Охлопав карманы, с удовлетворением выдохнул, когда рассмотрел документы. Да уж, пресловутые скрепки из нержавейки никуда не делись, а книжка аж сорокового года. Как рассмотрел? Так фонарик у убитого взял, с синим стеклом, хорошая вещица, сунул в карман и продолжил.

Осмотр второго тела дал мне еще фонарь, а также документы. Где у фрицев метки для опознания своими, я не знал, поэтому искать не стал, просто направился к берегу. Каково же было мое удивление, когда в воде увидел тело еще одного человека. Вся тройка имела документы военнослужащих Красной Армии, но явно поддельные, даже мне, не специалисту, и то было ясно. Собрав нехитрые трофеи, автоматы брать не стал, перешел ручей и потопал по тропке дальше. Что-то хреновые у меня предчувствия насчет полкового штаба. Если фрицы так близко, то там, может, уже и не наши сидят.

Действительность оказалась еще хуже. Там были даже не диверсанты, а вполне себе нормальная часть вермахта, даже с танками. Дело было швах. Наблюдая из кустов, убедился в том, что к нашей роте, захватившей немецкие позиции, утром придет пушной зверек. Но хуже всего было то, что нам даже отойти-то некуда, кругом вражеские войска.

Возвращался тем же маршрутом, по пути дав небольшой крюк влево, пытаюсь найти хоть какой-нибудь путь отхода.

- Что, совсем труба? – встретил меня сержант.
- Хуже, товарищ сержант. Жить нам остаток ночи, а дальше...
- Ну, уж на хрен, просто так парней положить я не дам, больше их у нас нет. Обойди всех, собираем с собой все, что можем тащить на себе, и валим отсюда.
- Я заминирую пути отхода, те, что смогу, в блиндаже парни мины нашли, – я указал в сторону ближайшего «блина».
- Давай, только вначале предупреди остальных справа, я пока влево сползаю. У нас двадцать восемь человек, мы еще сила!

Какая мы сила, еще посмотрим, а пока надо выбираться. Бойцы навьючились, как верблюды, грохоту было... Как нас не накрыли на отходе, вообще не понимаю. Я сделал то, что хотел, двадцать четыре немецкие противопехотные мины ждали своего часа, упарился так, как будто в баню ходил. Догонял наше воинство чуть не бегом, хорошо хоть пулемет тащить не пришлось, кто-то из бойцов его себе взял, шел с немецким МП. Винтовку тоже пришлось нести, сержант не разрешил бросить, сказал, что взгреют, и так отступаем, не хватало еще оружие врагу отдать.

Та тропа, что я разведаль, вывела нас к небольшой речушке, которую переплыли вполне легко. Панику подняли пулеметчики, им было очень тяжело, но я показал, как надо вдвоем нести пулемет над водой, и все получилось. Выйдя на берег, сразу дальше не пошли, сержант дал час отдыха, заодно выжали одежду и вычистили оружие. Я, конечно, переборщил, сказав, что легко переплыли, просто повезло, что речушка была метров семь-восемь шириной, да и глубина у нее была в пару метров всего. Двое тонуть было собрались, но сообща не дали им это осуществить. Вообще, первое, что отметил про себя, мне категорически не понрави-

лось настроение людей. Да все я понимаю, чудом уцелели в атаке, причем абсолютно бессмысленной, война идет, но паническое настроение одного сразу передавалось остальным. А еще вспомнилось самое начало. До вражеских позиций расстояние неизвестно, но те, у кого были гранаты, тупо кидали их из окопа вперед, вообще не понял, зачем?

– Так, бойцы! – беседу решил провести сержант Черный, я лишь намекнул. – Чего сопли на кулак наматываете? Думаете, кому-то сейчас легче? Хрен вам по всей морде, даже фрицам тяжело.

– Ага, вон у них и танки, и техника всякая, а у нас... – рыпнулся кто-то из бойцов, но грустно так, обреченно.

– Да и у нас это все есть, просто на данный момент мы тут, а техника немного в другом месте. Дойдем к своим – и у нас все будет! – ответил сержант.

– Когда еще это будет... – протянул тот же голос.

– Скоро, ребята, скоро. Не раскисать. Так, собираем манатки и топаем дальше, – свернул привал командир и подозвал меня жестом.

– Ты, Зверев, вроде парень с головой, контузия на тебя так повлияла, что ли? Давай вперед, дозором.

– Есть! – козырнул я, поправив пилотку.

А в спину донеслось едва уловимое:

– Вроде был телок телком, а посмотри, как вырос...

Вперед так вперед. Оторвался я метров на триста, хорошо, что лес попался довольно густой, идти хоть и тяжело, зарослей хватает, но все не по полю. Когда забрезжил рассвет, мы ушли километров на восемь, может десять. Сержант опять разрешил бойцам передохнуть, а мы с ним вдвоем рванули осмотреться. Мне ужасно хотелось курить, но когда заикнулся, выяснилось, что мое новое тело, оказывается, не курит. То-то, думаю, дышалка не сбивается. Да и вообще прежний владелец, Зверев в смысле, был достаточно спортивным парнем, повезло мне с этим, только вот мышцы какие-то дубовые. Я и сам в прошлой жизни был хоть и курильщиком, но старался не запускать форму. Заметил, что все, что я знал и умел в *той* жизни, довольно легко удастся воплотить в этой. Взять хоть ту же рукопашку, кулаки у «тела» набиты хорошо, с реакцией вообще отлично, немного беспокоит отсутствие пластичности, но это я и сам со временем подтяну.

– Немцы? – командир нашего «огромного» подразделения смотрел в трофейный бинокль на проезжающую невдалеке по проселочной дороге колонну.

– А фиг ли бы им на запад ехать? – Действительно, зачем? До колонны было километр-полтора, поэтому сразу разглядеть не могли, техникой нашей и фрицы пользуются. Но спустя минуту наблюдений увидели хвост идущей позади техники пехоты.

– Наши! – воскликнул радостный сержант.

– Точно, – кивнул я. Вряд ли бы фрицы шли на запад пешком, да еще и с нашим флагом.

– Дуй вперед, я подтяну остальных и постараюсь догнать, – приказал сержант.

Перечить не хотелось, поэтому побежал. Когда до колонны оставалось метров триста, меня наконец-то заметили. Техника продолжала двигаться, но пехтура остановилась и, развернувшись, выставила винтовки в мою сторону.

– Эй, не стреляйте, свои! – заорал я, размахивая руками. Из глубины строя вышли две фигуры и махнули мне.

– Красноармеец Зверев... – Дальше я протараторил все то, что было указано у меня в красноармейской книжке.

– Откуда ты, боец? Ваш полк вроде как должен прикрывать погранцов, что мост держат, километрах в двадцати отсюда на север? – задал мне первый вопрос командир со знаками различия пехотного капитана.

– Пограничников смяли еще вчера утром. Мост они уничтожили. Наша рота была на левом фланге батальона. Несколько раз посылали в атаку, а когда наконец-то захватили немецкие позиции, оказалось, что вокруг только немцы и диверсанты, такие же немцы, но в нашей форме. Взяли нескольких, какой-то «Бранденбург-800».

– Нет, не слышал, – покачал головой капитан, – мы из Могилева идем. Приказ прибыть как раз в вашу дивизию. Из командиров кто-то остался?

– Нет, товарищ командир, только сержант Черный, он и принял командование ротой.

– Сколько вас осталось?

– Двадцать восемь штыков. Да вон и они! – я указал в сторону леса, откуда по полю быстрым шагом топали мои товарищи.

– Хорошо, боец, сейчас решим, что с вами делать. Кузьмин!

– Я, товарищ командир! – отчеканил стоявший за спиной командира боец со знаками различия младшего сержанта. Парень с виду молодой, но усищи как у таракана.

– Пошли кого-нибудь, чтобы догнали колонну.

– Да как их догонишь, они ведь на машинах? – удивился Кузьмин.

– Выполнять! – рявкнул капитан. – Что, думаешь, они совсем идиоты, не видят, что мы отстали?

– Виноват! – вытянулся Кузьмин и бросился к бойцам.

– Товарищ красноармеец, документы предъявите, а то вы нам тут про диверсантов рассказываете, а документы не показали, – тихим, даже каким-то вкрадчивым голосом вдруг произнес стоящий рядом с капитаном военный. Это был невысокого роста, гладко выбритый человек в круглых очках и с двумя кубарями в петлицах. Протягивая ему красноармейскую книжку, заметил шевроны на рукавах.

«Политработник», – промелькнуло у меня в голове. С этими зверями я еще не встречался.

– Пожалуйста. – Как будто вы мои документы отличите от вражеских, тут, по-моему, вообще об этом не догадываются. Я стоял вытянувшись перед командирами, а к нам уже подбегали наши бойцы во главе с сержантом.

Наш командир, сержант Черный, повторил все, что я уже сообщил капитану, и тоже протянул документы политруку. Нас не разоружали, никто ничего пока не предпринимал. Все наши бойцы, с кем мы сюда выбрались, один за другим подходили к политруку и протягивали свои книжки.

– Сержант, а почему у тебя бойцы с нештатным оружием? – спросил вдруг капитан.

– Так к нашему боеприпасы кончились, товарищ командир, – воевали тем, что добыли у врага.

– Молодцы, и свое, гляжу, сохранили? – капитан кивнул, одобряя ответ сержанта.

– Не все, к сожалению, – развел руками Черный, – у многих оружие пришло в негодность, чтобы не терять в эффективности, разрешил заменить свое на трофейное...

– Да все правильно, сержант, «молоток», я так спросил, – улыбнулся капитан.

В этот момент прибежал посыльный.

– Товарищ капитан, подполковник Семяцкий приказал всем двигаться за основной группой. Они будут нас ждать возле рощи, в двух километрах отсюда, – выпалил посыльный и застыл.

– Спасибо, – ответил командир и зычно гаркнул: – Строиться!

Политрук молча отдал нам всем документы и указал в конец строя.

– Становитесь в конце колонны, идете с нами.

Жаль, что мы пришли с севера, а не с запада. Ни фиги неизвестно, как там дела обстоят в том месте, куда двигается колонна. Вновь идем пешком, некоторые сильно устали, да и ели мы давненько, а мы с сержантом еще и не спали, от слова «совсем». Вообще, сейчас только и

появилось время на то, чтобы наконец-то подумать о себе. Что *мне*-то делать? Воевать? Какой сейчас день, двадцать восьмое июня уже, и где я вообще??? Умирать не хочется, вроде последний шанс дали. Да и если меня опять закинут обратно, начинать вчерашний день заново... Это будет чересчур для меня, блин, в голове не укладывается. Черт, если мне дали «пять жизней», я что, так бездарно потратил четыре? Хотя, может, это и к лучшему. Представляю, что провоевал бы я, скажем, месяц или год, а потом раз и... Опять все заново?! Ну уж нафиг. Надо теперь осмотрительнее быть.

Как я попал сюда, в это время, вроде понятно, угодил в какую-то игру каких-то хакеров, что ли. Как такое возможно, почему я? Да, выживать, стрелять и воевать, в конце концов, я умею, причем вроде как неплохо. Много знаю, умею чуть меньше, но все же не полный ноль. Попробовать рвануть к Сталину? Да как-то очково это, шлепнут на хрен, и что, вот это все зря? Черт, как в книге о пришельцах, где главный герой, умирая, просыпается вновь днем ранее.

– Игорь, жрать хочешь? – раздавшийся справа голос Черного вывел меня из размышлений.

– А-а?

– Держи, говорю! – сержант передал мне кусок черного сухаря, хоть так, вода еще во фляге есть, нормально.

– Спасибо, куда идем-то, сержант?

– Идем, пока идетя. Скажут – остановимся, – коротко, но емко ответил командир.

В этот момент из начала колонны крикнули нашего сержанта, и тот побежал туда. Спустя несколько минут он вернулся с задумчивым видом.

– Что случилось, товарищ сержант? – спросил я, стараясь придать голосу оттенок спокойствия.

– Через пять километров будет конечная цель маршрута этого полка. Пока вольемся в него, до тех пор, пока выяснят, куда нас девать. То есть, я думаю, там и помирать будем.

– Ну, не хорони заранее, может, выкрутимся.

Идти надоело конкретно! Пыли разве что в желудке нет, да и то уже не уверен. Ноги стоптал в кровь наверняка, болят, спасу нет. На последнем привале менял портянки, волдыри были уже приличными, а сейчас вообще ноги режет как ножом, стер в хлам. Вода тоже кончилась, а по пути как назло ни одного ручья.

Все же через несколько долгих часов марша колонна наконец-то остановилась. Где бы вы думали? У моста, конечно. Переправа была основательной, хоть и деревянной. Речка, а внизу, в овраге под мостом бежала именно речка, была маленькой и мелкой, но нам разрешили привести себя в порядок, и я был, наверное, первым, кто до нее добежал. Плюхнулся прямо в сапогах и форме, только оружие сбросил. Упав лицом вниз, просто задержал дыхание и лежал, наверное, секунд двадцать, пока меня не выдернули.

– Эй, боец, ты охренел, что ли? – Два красноармейца держали меня под руки и, трясая, пытались привести в чувство. Это, по их мнению, я-то был в норме, а вот что они подумали, не знаю.

– Чего пристали, видите, я по воде соскучился, даже жить не могу! – Я рассмеялся, видя их растерянные лица, и, вырвавшись, плюхнулся вновь в воду. Спустя несколько минут я уже вылез на берег и отжимал прополосканное только что белье, вокруг творилось то же самое.

Все стирались, мылись и приводили в порядок себя и амуницию. Жара стоит, наверняка за тридцать, одежда, развешанная на перилах моста, уже подсыхает, дурак был, что прямо в сапогах прыгнул, долго сохнуть будут. Так-то это трофейные сапоги, я ботинки с обмотками вчера сразу поменял, как немцев в траншее добили. Ботинки не выбросил, в сидоре лежат, поэтому все же неплохо, что я и сапоги простирнул.

Бриться опасной бритвой тот еще головняк. Сержант даже посмеялся, заметив при этом, что усы он носит в том числе и для того, чтобы не драть кожу лезвием. Посмеялись, и он сам меня побрил, а то я весь изрезался. Мужики вокруг смотрят настороженно, мы для них чужие, да еще я, блин, бриться не умею. Пояснил, когда последовал вопрос, что уметь-то я умею, но мне для этого надо пару часов, а сейчас их нет. Опять посмеялись, причем от души. Когда наконец-то был приготовлен обед, полевая кухня в полку была, то один, то другой красноармейцы начали задавать вопросы о немцах. Их интересовало буквально все, хотя пришлось одного заткнуть, кричал больше всех о желании поскорее добраться до немцев. Я-то ладно, один день и повоевал всего ничего, а ребята, что вышли с нами, с первого дня войны здесь. Ретивого заткнул сержант, просто кинув ему в руки гранату. Немецкая «колотуха» с навинченным колпачком не взорвется. Надо было видеть, как подпрыгнул боец, только что рвавшийся в бой.

– Подожди, вот бой начнется, такие подарки будут часто прилетать, только без колпачков, – добавил на словах сержант Черный.

– Что тут происходит? – тут же раздался голос, в котором явно слышались нотки недовольства.

– Обкатываем новобранцев, товарищ политрук, им ведь, возможно, уже сегодня в бой, а они и гранату в глаза не видели, вон как боятся. – Сержант своим спокойствием все больше мне нравился. Чуть позже этот выдавший войну вживую боец расскажет, как участвовал в Финской кампании. С сержантом нам вообще повезло, мировой мужик оказался. Нашу компанию хотели было раскидать по взводам, но Черный уперся, доказывая, что мы уже сложившееся подразделение и толку от нас будет больше, если нас оставить вместе.

Окапываться никто не приказывал, что странно. Командир лишь приказал рассредоточиться и куда-то уехал на «полуторке». Оставшийся рулить начштаба полка был все-таки умнее. Приказав рыть ячейки и два блиндажа, ушел с разведчиками вперед, за мост. Почему не заминировали мост, я не понял. Ведь все равно не удержим, это же ясно как божий день. Нас сюда кинули просто для выигрыша времени, задержать немцев на столько, насколько получится. Но ведь конечный итог должен быть одним – подрыв моста, лишение фрицев переправы. Берега здесь высокие, а у самой воды довольно топкие, противнику будет с чем помучиться.

Копал вместе с сержантом. Вообще, наша сборная солянка, как и говорил, держалась вместе, поэтому и звездюлей получили вместе – за то, что выкопали траншею, а не ячейки. Неглубокую, конечно, времени-то не было.

– Кто разрешил? – орал политрук. – Что, трусы, боитесь по одному сидеть, в кучу собрались?

– Товарищ старший политрук, при чем тут трусость? – сержант был пока спокоен. – Ведь так мы дольше проживем и больше урона немцам нанесем...

– Вы не прятаться должны, а быть готовыми умереть за Родину, стоять насмерть! – Вот это приехали.

– Товарищ политрук, вы хоть сами-то поняли, что сказали, – это уже я. – Вы хоть больше так кому не скажите, а то бойцы подумают, что их не в армию призвали, а к расстрелу приговорили...

– Что ты сказал?! – Ну вот, похоже, я допрыгался.

– Вы слышали меня! – зло бросил я, идти на попятную не собираюсь.

– Ну-ка вылезай сюда, ты арестован!

– А за что? – спокойно спросил я.

– За предательство и паникерство! За трусость! За...

– А вас в таком случае давно арестовать нужно, раз вы помогаете противнику путем уничтожения бойцов Красной Армии. – Вот я отмочил!

На политрука было страшно смотреть, он судорожно лапал кобуру, пытаясь выдернуть наган, да только я не стал ждать, а просто поднял свой автомат.

– Не глупи, политрук, скоро бой, лишних людей не будет, нам нужно приказ выполнять. Не мешай, – по-человечески, спокойным голосом проговорил я. Этот политически подкованный руководитель дернулся еще раз всем телом, а затем рванул к штабу полка.

– Зря ты так, Зверев, он не простит.

– Да клал я на него вприсядку, нехай жалуется. Мне жить осталось несколько часов, а какая-то падаля только из-за того, что у него нашивки на рукавах, пытается на моем горбу себе дорогу проложить. Хрена ему.

– Чего, и стрелять бы стал?

– Не знаю, – честно ответил я. А вообще, появилась подленькая мыслишка: вальнуть политрука по-тихому и решить проблему, но посмотрим, как жизнь повернется.

Повернулась она не тем боком, каким мне было нужно. Шестеро бойцов во главе с политруком шли прямо на меня. Стоя в окопе, я решал, что делать. Вальнуть я их всех сейчас могу, а что потом? При чем тут парни из комендантского, они-то не виноваты.

– Вылезай, оружие на землю, ты арестован! – еще издали начал орать политрук.

– Вот, я же говорил, вы и есть настоящий враг народа! – громко ответил я. – По законам военного времени...

Договорить я не успел. С неба послышался вой, и на наши позиции обрушился ливень из мин. Разрывы вспухали, казалось, на каждом квадратном метре. Я вжался в дно траншеи, щелей мы выкопать еще не успели, так что будем молиться, чтобы мина напрямую не залетела внутрь. Очень страшен и неприятен минометный обстрел. Падая, мина воет так, что реально не знаешь, куда она шмякнется и куда тебе бежать или ложиться. Вдруг именно туда и упадет. Спустя несколько бесконечно долгих минут минометного обстрела наступила тишина. Ее тут же сменил выстрел «сорокапятки», который ни с чем не спутаешь. К первому присоединился второй и третий, что-то маловато, вроде орудий я утром видел шесть штук. Захлопали винтовки и ППД, залязгал «дегтярь». Наконец схлынуло оцепенение, и я начал подниматься, стряхивая с себя кучу земли.

– Зверев, живой? – донесся голос сержанта.

– Да вроде да...

– Немцы мост штурмуют, там даже танки есть!

Выглянув, немного охренел. Четыре серые коробочки стояли за мостом, метрах в ста всего, и постреливали из пушечек. Нашей артиллерии уже не слышать, наверняка фрицы подавили. Твою дивизию, благодаря таким вот политрукам пушкари тоже были не замаскированы, а стояли прямо в поле, возле рожи.

– Сержант, надо мост взорвать к бениной маме...

– Да кто-то уже полез, видно, командиры отправили.

– Я и забыл, что мы тут не одни. Где этот придурок, ты видел?

Сержант явно понял о ком речь.

– Как мины посыпались, так пропал, – сержант сидел в окопе справа от меня, но там был поворот, и мы друг друга не видели. – Двое из конвоя со мной, но не горят желанием тебя арестовывать.

– Зверев, нам даже не сказали, кого и за что, после боя, если доживем, повторят приказ – будем выполнять, нет – воюй дальше, – крикнул кто-то с той же стороны, где был сержант Черный.

– Ладно, сержант, наши все целы?

– Еще не знаю, спроси у себя слева, есть кто живой?

Крикнул, ответили. Значит, еще поживем немного. Немцы усилили огонь. К стрелковому присоединились минометы. Тьфу ты, до чего же противная штука! Воет, аж мурашки

бегут по спине. Моя винтовка лежала на дне траншеи, присыпанная землей. Отложив автомат в сторону, начал отряхивать «мосинку». Тут до фрицев метров двести пятьдесят, автомат не помощник. Протер затвор, вставил патроны и высунул голову. Все это под выстрелы с обеих сторон и канонаду. У нас ожила одна пушка, а у немцев горел один из танков. Кстати, что-то маленькое, Т-2, наверное. Ага, вот и я вижу фигурки в серой форме. Короткими перебежками, при поддержке оставшихся трех танков, фрицы пытаются сблизиться с мостом. Прижав приклад к плечу, ищу цель – и тут... Не знаю даже как объяснить. Я отчетливо, как будто он был прямо передо мной, увидел немца, сидящего в танке на месте механика-водителя. Точнее, я вижу его глаза сквозь узкую смотровую щель.

«Как это? Чего это?» – Я зажмурился и тряхнул головой. Снова открыв глаза, взглянул на руки и обнаружил, что зрение обычное.

«Не понял, что это было-то?» – Я вновь прицелился и вновь увидел танкиста. Это что, у меня в голове оптический прицел с баллистическим вычислителем, что ли? Так-так, а что там говорили голоса в голове? Бонусы проявятся через сутки, если выживу... Так-так, а сутки-то как раз и прошли. Ну-ка, ну-ка...

Совмещаю прицел винтовки с переносицей фашиста. Выстрел, затвор, еще выстрел. Первой пулей я пустил трещины по триплексу, что ничуть не мешало видеть, как фашист дернулся в испуге, а вторая пуля, пробив стекло, разнесла голову механика-водителя.

– Вот это ни хрена себе! – аж в голос воскликнул я. Надо срочно повторить... Я не только вижу словно через оптику, у меня и руки будто сами пулю в цель несут.

Рядом лопнула мина, и я отчетливо видел, как осколки брызнули в мою сторону. Спасла винтовка. Раскаленный кусочек металла, ударив в цевье, отскочил в сторону. Укрывшись в окопе, я осмотрел винтовку. Черт, похоже, ствол погнуло. Глянув по сторонам, в поисках другой, ничего не обнаружил.

– Сержант, у меня винтовке хана, у тебя там запасной нет? – крикнул я.

– Вон от бойца осталась, забирай!

Метнувшись к сержанту, встретил того сразу за изгибом траншеи. Тот протянул мне винтовку и взглянул в глаза.

– Не ранен? Кровь у тебя на лбу.

Я провел рукой и взглянул на ладонь.

– Хрен его знает, не помню, чтобы меня зацепило...

Рванув назад, я вновь высунулся из окопа. Черт, винтовку-то не проверил! Дернул затвор и взглянул на блеснувшие патроны, порядок. Следующим я выбрал такой же Т-2, что был уже практически на мосту. Такими же меткими выстрелами я остановил и его. Интересно, это так и останется со мной или исчезнет? На возникший вопрос почти сразу появился ответ. В небе появилась авиация, естественно, противника. Два худых силуэта промелькнули в сторону наших позиций, а спустя пару секунд где-то за нами дважды что-то рвануло.

– Зверев, немцы авиацию вызвали, значит, уперлись, суки! – прокричал сержант.

А я вдруг решил попробовать стрелнуть по самолету.

Положив винтовку на бруствер, присел, ожидая разворота самолетов. Те неспешно делали пологий вираж, набирая высоту.

– Сейчас пушками месить будут, бомбы уже сбросили, – опять сержант.

– Что, приходилось уже под них попадать? – бросил я, не отвлекаясь от наблюдения.

– А тебе нет? Ты же давно в нашем полку, – явно удивился Черный.

– Да хрен его знает, забыл как-то...

– Такое забудешь!

Самолеты противника тем временем начали пикирование. Дождавшись сближения, при котором я четко разглядел кабину пилота, я спокойно спустил крючок. Промых. Так, какая-никакая пристрелка все-таки нужна, видимо, зависит от расстояния до цели. Руки работали

сами, я вновь поймал на мушку кабину с пилотом внутри и потянул спуск. Удивление было уже меньшим, но все равно серьезно меня поразило. Идущий на нас самолет ведущего немецкой пары, не выходя из пикирования, воткнулся в землю и почти сразу взорвался. Краем глаза отметил, что место падения этот урод «выбрал» крайне неудачно для нас, воткнувшись где-то на позициях полка. Черт, досталось кому-то, причем всерьез.

– Слышь, Зверюга, ты когда успел так стрелять научиться? – На меня смотрел сержант, явно охренев от моих возможностей.

– Да я и сам не понимаю, как получается, – искренне ответил я, – просто вижу, как и куда надо выстрелить, вот и стреляю.

– Молоток, глядишь, с твоей помощью мы и устоим.

– А второй-то испугался, – тем временем заметил я. Действительно, ведомый сбитого мной фрица почти сразу рванул свою машину в сторону и ушел из-под огня.

Не успели толком порадоваться, как пришёл идиотский приказ командира полка.

– Вперед, в атаку! – «Да что же они все так сдохнуть-то торопятся!» – выматерился я про себя.

– Сержант, вот как хочешь, но я не пойду! Это ж натуральная подстава...

– Чего это? – в который уже раз за сутки удивился командир.

– Ну, ведь стоим же крепко, на фига дохнуть-то?

– Я с тобой согласен, но приказы...

– А ну, чего тут улеглись, вперед, в атаку! – раздался рядом голос кого-то из командиров.

Ну, что рассказывать? Да положили полк товарищи командиры, но я это узнаю чуть позже.

В голове звенело так, что было страшно шевелить даже ресницами. Звон заглушал все остальные звуки, которые, скорее всего, были не тихими. Открыв глаза, я увидел картину маслом. На нашем берегу речки стоял последний немецкий танк, стоял вполне целый, что и напугало. Дальше произошло то, что напугало еще сильнее. Меня грубо перевернули на спину, отбирая из крепко сжатых ладоней винтовку, и ударили ногой в живот.

– Больно же, суки! – вырвалось у меня, и сапог с коротким голенищем врезался в живот с новой силой. Дух из меня вышел вместе с криком.

Очередное пробуждение не порадовало. Голоса в голове не появились вновь, это означало одно – я, блин, живой еще. Тело болит, кажется, все целиком. Очнулся я, кстати, от того, что меня кто-то поднимал.

– Игорек, живой? Давай, дружище, очухивайся. Эти добивают, если сам идти не можешь!

«Какое идти, куда идти, я, сейчас сдохну!»

– Дайте помереть спокойно человеку, чего издевается...

– Ну, рано еще помирать-то, браток, авось, и в плену не загнемся...

«Вот тебе, бабушка, и плюшки с изюмом! В каком, на хрен, плену?» – мысли начали проноситься в башке со скоростью звука. Так, нас подняли в атаку, выбравшись на бруствер, успел сделать несколько шагов, потом – темнота. Ну ладно, попал на передовую, а в плен-то на хрена??? Нет, чего-то мне уже не хочется здесь находиться, может, сдохнуть в последний раз, авось в свое время вернусь...

– Где мы? – едва разжимая зубы, скорее прошипел, чем проговорил я.

– Немцы дальше ушли. Тут тыловики каких-то оставили...

– А полк?

– Да нет больше никакого полка, разделали нас «под орех». Когда в атаку пошли, немец артиллерией ударил, причем густо так и таким калибром, что все наши позиции перемешали с дерьмом в минуту. А старлей, что нас поднял, считай, нам жизнь спас. То ли снаряд, то ли

мина лопнула прямо возле него, нас с тобой от осколков только его тело и закрыло, правда, не целиком...

– У меня что-то с башкой и рука правая словно чужая. Вроде и чую я ее, но как-то не так.

– Тебя в голову по касательной зацепило и в руку. Но в руку серьезней, осколок там, вот и болит.

– Надо вытаскивать...

– Да кто ж нам даст-то? Насмешил. – Теперь я уже совсем отчетливо слышал голос сержанта. – Только увидят, что зашевелился, сразу очередь, патронов на двадцать.

– Грустно все это, спать хочу и пить, – пошамкал разбитыми и обветренными губами я.

– Терпи, хрен его знает, дадут ли фашисты воды, скорее, расстреляют на сухую.

– Вряд ли, смотри, заграждение строят. – Фрицы действительно споро так сооружали заграждение из колючки. – Если бы не нужны были, давно бы покрошили.

Когда все пинки закончились и нас более или менее оставили в покое, дав возможность перевязать раненых и привести себя в порядок, осмотрел сам себя. Нет, медикаментов, конечно, никому не дали, нательные рубахи рвали, но хоть не запрещали перевязываться. Вообще, тыловики, что подошли во втором эшелоне, были к нам более лояльны, сказывалось то, что их-то мы не убивали, в отличие от их товарищей с передовой.

Осмотревшись, понял, почему болит все тело. Форма была просто рваниной. Столько мелких порезов, трещин и просто кусков, оторванных от гимнастерки и галифе, я еще не видел. Соответственно, все тело было в синяках, ссадинах и порезах. В бою-то не обращал внимания, а вот сейчас все это разом заболело. Помочился на тряпицу, оторванную от рубахи, и протер все, что можно было. Рука с застрявшим осколком болела, но пока было терпимо. Пугало одно, что могу руку потерять. Рана-то вроде пустяковая, я, протираясь, кажется, даже задевал осколок, неглубоко сидит. Сержант предложил попробовать вытащить прямо руками, но пока я боялся, руки-то у всех как у мотористов по локти черные.

Спасло мне руку то обстоятельство, что у фрицев здесь же появился санбат, ну, или как он у них называется. Видимо, в начале войны немцы еще не были столь злыми. Меня, да и еще человек десять, осмотрел фашистский врач. Ничего серьезного не делал, конечно, ни лекарств, ни бинтов нам не дали, но хоть осколки и пули вытащили, и то хлеб. Сам-то фельдшер, может, и обработал бы раны, да вот его сдернул какой-то хрен с обер-лейтенантскими погонами, запретив тратить на нас лекарства, так нужные для войск вермахта. Откуда я знаю? Так вон он, в пяти метрах стоит и разговаривает. А, забыл сказать, я знаю немецкий, причем очень хорошо знаю. Это я осознал почти сразу, как глаза открыл, уже в плену. Говорить не пробовал, но понимаю отлично. Вон сейчас лейтенант приказывает доктору ехать дальше, в двух километрах на север от нас еще одна часть фрицев билась, срочно требуется помощь раненым.

Фельдшеру не дали даже зашить раны, комендант нашего лагеря запретил, сказав, что если нам судьба сдохнуть, значит, сдохнем, независимо от того, зашиты раны или нет. Я еще раз обильно смочил тряпку мочой и, зажав в зубах воротник гимнастерки, засунул в рану конец тряпицы и попытался почистить. Крови было не очень много, но от болевого шока я снова вырубился. Очухался от ударов по лицу.

– Сержант, да хватит меня бучкать уже, ты бы еще кирпич в руку взял да саданул бы со всей дури, и так все болит, – это я выпалил Черному, который приводил меня в чувство пощечинами.

– Извини, переборщил слегка, ты как? – сержант был чем-то удивлен.

– Да вроде лучше, дергать перестало.

– И кровь не идет уже, даже странно...

А уж мне-то как странно! Я ведь и боль по телу уже не так воспринимаю. Нет, она условно есть, но какая-то несерьезная уже. Интересно, это что, тоже подарок от голосов в голове?

Охраняли лагерь несерьезно. Я даже повеселел наутро, увидев нашу охрану. Нас тут фигня осталась, конечно, но и десять гансов при одном пулемете и одном МП на нас явно маловато. Поговорил с сержантом, высказав мысль, что нас скоро куда-нибудь поведут.

– Да скорее еще таких же, как мы, сюда забросят.

– Вряд ли. Смотри, огородили-то совсем чуток, периметр как носовой платок. Охрана опять же десять человек. Наверняка потащат дальше в тыл, а вот туда мы дойти не должны!

– Бежать хочешь? – на удивление, с каким-то сомнением в голосе спросил сержант.

– А ты нет? – удивился я.

– Да бойцы уж больно не надежные у нас, говорил с ними, бояться они всерьез. Уже пошли разговоры, что у фрицев в плену будет лучше, чем возвращаться назад в окопы.

– До окопов еще дойти надо, нам бы поначалу просто свалить отсюда.

– А дальше? Фронт-то уже где? Даже орудий почти не слышно, бегут наши товарищи, отступают...

– Слышь, сержант, ты чего-то расслабился больно, ты же командир!

– Да какой я к хренам командир. Был бригадиром трактористов в колхозе под Брянском. Еще два месяца назад в поле работал, а тут на тебе. Призвали на сборы, повесили «треугольники» и айда, командуй!

– Вот и командуй! А вообще, есть идея, главное, чтобы нас раньше не погнали по этапу.

Плана побега как такового не было, действовать будем экспромтом. Заграждение у нас фуфловое, так, колючка реденькая, столбы из тонких сучьев едва на полметра вкопаны, толкни – и все развалится. Самое главное, что беспокоило, это пулемет у фрицев. За ним хоть и сидит один солдат, но, блин, он от него почти не отходит. Радовало то, что нет вышек, местность как стол. Пулемет находится в двух десятках метров от импровизированных ворот лагеря. Быстро до него не дойти, положить может буквально всех, а значит, будем думать.

– Мне нужно хоть что-нибудь наподобие камня...

– Да уж, тут как по заказу, один песок и ни одного булыжника, – отозвался командир.

– Ты спроси, может, у кого из бойцов что-то есть. Найдем что-то подходящее, пулеметчик мой, но если остальные зевнут или струсят... Я, сержант, за тобой с того света вернусь.

– А как ты до пулеметчика доберешься? – удивился сержант, пропуская мою угрозу мимо ушей.

– Увидишь, камень найди!

Обсуждать и строить планы в нашей ситуации было просто смешно. Нас больше, но за фрицев ограждение и оружие. Как уже говорил, в основном винтовки, а с ними быстро не постреляешь, особенно во время приема пищи. Немцы, как и наши на привале, стволы составляют в пирамиду, и быстро привести к бою оружие сможет только дежурная смена, а это всего три бойца, включая пулеметчика. Тот сидит в небольшом углублении, типа мелкой ячейки, жрать ему носят прямо туда. Но я надеюсь или на то, что смену ему все же дадут, или, что естественно, он когда-нибудь захочет «до ветра».

Удача вернулась к нам под вечер третьего дня. Мы уже были всерьез голодны, фрицы за три дня только раз дали попить какой-то бурды, помой от их обеда, что ли, но мы и этому были рады. У фрицев из действующих охранников нашего маленького лагеря остались стоять на часах всего двое. Пулеметчик сидел в своей ячейке, а еще один балабол стоял возле него, пытаясь поговорить.

– Отстань, Ханс, я сейчас обделаюсь, а отходить мне нельзя, – услышал я разговор немцев. Тут близко, да под вечер тишина стоит, как в море.

– Я же сказал тебе, Отто, сейчас наш коршун уйдет в палатку ужинать, я тебя отпущу, куда денутся эти красные, они же обделались все со страха, сидят и пикнуть боятся.

– Сержант, жди сигнала, как увидишь, что я рванул, поднимай бойцов, пусть только хоть один «зассыт», урою сам. – Вид я сделал самый грозный, и сержант проникся.

– Игорек, аккуратнее только, может, помочь тебе? У тебя же рука...

– Да в порядке рука, кровь не идет, повязка свежая, да и не буду я ее сильно нагружать, мне только камень метнуть она и нужна. – Не говорить же командиру, что рана у меня почти и не болит вовсе.

Вся надежда в моем плане побега только на мою «бонусную» меткость. Просто решил, раз мог из винтовки так стрелять, а главное, видеть то, куда стрелять, значит, и камень смогу кинуть так, как надо. Сержант раздобыл мне сразу два камешка, один с куриное яйцо, в дело пойдет именно он, а второй маленький голышок. Последний я кинул не сильно, метров на восемь, попал точно, куда и хотел, в руку одному из пленных, потому надежда есть.

Я говорил, кажется, что ограждение было чисто символическим. На жиденьких столбиках, висело всего несколько рядов ржавой «колючки». Но главное было не в этом, а в высоте всего этого «забора». Метра полтора максимум, я даже кидать на колючку ничего не буду, перепрыгну спокойно.

Отпустивший в кусты пулеметчика солдат улегся на его позицию и примерился к пулемету, хотя видно сразу, что он его знает так себе, даже затвор не проверил. Зато я, постоянно подглядывая за пулеметчиком все дни, видел, что тот его после чистки не взводил.

Камень, пущенный мной, попал прямо в нос фрицу. Тот хоть и заорал от боли, но для конвойных было уже поздно. Рыбкой с короткого разбега я преодолел «колючку» и, кувырнувшись, приземляясь, оказался почти вплотную к орущему гансу. Когда выбежал из палатки лейтенант, а побросавшие котелки фрицы потянулись только за винтовками, я уже поднимал пулемет. Размышлял я недолго. Ну на кой черт нам пленные? Вот и я так же подумал и просто, дернув затвор пулемета, несколькими короткими очередями положил всех. Нет, забыл про засранца в кустах, до него добрались другие наши ребята, что бросились мне на подмогу. Слава богу, что трусов среди нас не оказалось. Некоторые, правда, чуть замешкались, но все же рванули вместе с остальными.

– Чего, куда рвать будем? – задал вопрос сержант, когда мы остановились в лесочке передохнуть.

– Ты же слышал, севернее еще есть лагерь, надо посмотреть, может, удастся еще наших освободить.

– Дело говоришь, оружия, жаль, мало.

– Достанем еще, забыл, война кругом, оружия тут будет скоро как грязи. – Кстати, самой грязи пока и нет вовсе, сухо, пыли да, много, лето жаркое выдалось.

– С этим понятно, а потом что? К нашим?

– Ты же сам сказал, фронт сейчас неизвестно где, так?

– Ну и...

– А вот я слышал, как немецкий лейтеха говорил, они уже Минск взяли, представляешь, сколько нам топать?

– Да быть не может, ты напутал что-нибудь!

– Ага. Вот специально не убью первого же немца, как увижу, а на допрос тебе притащу, послушаешь, что напоеет.

– Ты сам-то как фашист, на фи́га в их форму-то вырядился? Нарвемся на наших, меня из-за тебя под трибунал отдадут.

– Не бойсь, сержант, прорвемся! А одежда... Ну а что, в моей рванине лучше было бы, что ли? – Я и правда сменил гардеробчик почти сразу, как закончили шмон убитых.

Быстро перекусив остатками немецкого ужина, двинули дальше по небольшому лесочку, в котором оказались. Через пару часов неспешного пути вышли на окраину поля. Впереди, в полукилометре, виднелись небольшие строения. То ли деревня, то ли еще что. Взяв в напар-

ники одного из бойцов, невысокого чернявого паренька, лет двадцати на вид, поползли с ним к хутору, на разведку.

– Смотри, там БТР, пулеметчика в нем нет, у водилы дверь раскрыта, совсем страх потеряли, суки! – показывал я Коле, напарнику, на позиции фрицев. Точнее, на их полное отсутствие. Немцы просто въехали в эту деревеньку и расположились, как им в голову взбрело. В центре, возле колодца, стояли два мотоцикла и «ганомаг», больше ни машин, ни другой техники здесь не было.

– Сколько насчитал?

– Двадцать шесть...

– В дальнем сарае, что возле БТРа, минимум двое.

– Их сосчитал, только из хаты слева, куда тот в фуражке зашел, никто так и не выходил, вдруг там их сотня?

– А на чем они бы приехали, сотней-то? – усмехнулся я.

– А пешком?

– Да фрицы забыли уже, как пешком ходить, везде на машинах и танках.

– Это да, техники у них... Игорь, а где же наша-то, танки, самолеты? – Пока в лагере были, эти разговоры меня порядком утомили.

– Все будет, Коля, все будет. Надо только подождать. Скоро, уже скоро мы их остановим. – Не хотелось врать этим парням, но правде они, скорее всего, просто не поверят.

– Нападем?

– Двигай к командиру, зови сюда всех, только идите тихо, как мы с тобой, ясно?

– Все понял, я мигом! – Паренек умчался, а я продолжил наблюдение. Попробуем вспомнить что-нибудь из прошлой жизни, чему когда-то *очень* хорошо учили.

Наши подошли почти тихо. Почти, потому как никто и никогда их не учил, как нужно ходить по лесу во вражеском тылу. Ребята до сих пор не воспринимают эту местность как потерянную, причем надолго, поэтому не осознают всей сложности. После разговора, довольно короткого, надо заметить, с сержантом, принял руководство нашей сборной солянкой на себя.

– Ну, какой из меня полководец? Давай сам, ты придумал, ты и работай!

Инициатива бьет инициатора, подумал я и начал отдавать команды. Рассредоточив бойцов так, чтобы у всех был хороший сектор обстрела, сам, вооружившись немецким МП, двинул ползком в сторону хутора. Со мной вызвался сержант Черный.

– Чего удумал, зачем вдвоем ползем, не проще со всех стволов ударить? – засыпал меня вопросами поначалу командир.

– Помолчи, сержант, пожалуйста, спалимся! Дал добро действовать, теперь терпи, – огрызнулся я.

Часовых было двое, по крайней мере с этой стороны хутора. Сняли обоих ножами, быстро и аккуратно. Подготовочка у сержанта вполне хороша, несмотря на то что приbedнялся. Дальше было проще, цель у меня была одна – БТР. Его пулемет смотрит как раз на тот домик, где предположительно квартируют офицер и его приближенные. Захватим бэтээр, ударит весь оставшийся отряд. Причина, по которой мы вообще сюда полезли, проста. Первое – это оружие, у нас его совсем мало, а вторая банальна – маленький тут отряд у фрицев. Было бы их тут больше, вряд ли бы я сюда рыпнулся. А так вооружим наше войско, пойдем на лагерь с военнопленными, что также не далеко отсюда, там пополним наш отряд.

Пулеметчик в «ганомаге», как я и говорил, отсутствовал, водила с чем-то возился в кабине. Мы с сержантом, одетые во фрицевские френчи, спокойно подошли к броннику и, зарезав водилу, устроились в нем. Сержант встал к пулемету, а я запустил движок, опасался, что не разберусь быстро с управлением, но страх ушел, когда я оказался на месте водителя. Перед тем как взревел движок «ганомага», я отчетливо слышал, как сержант передернул затвор. А вот теперь повоюем.

– Сержант, дай-ка по окнам короткую, пускай вылезают, суки! – крикнул я, а сам уже брал на прицел автомата ближайшего фашиста, который наострил лыжи в нашу сторону. Фриц оказался непонятливым и вскинул винтовку. Все закружилось, как в кино, наши бойцы, которые ждали только условного сигнала, как с цепи сорвались. Застрекотал швейной машинкой единственный трофейный МГ, к нему присоединился и только что захваченный из бэтээра. Винтовки, автоматы, кто-то даже в рукопашку пошел, это, наверное, те, кому оружия не досталось при побеге. Охренев от такой наглости, фрицы даже особо и рыпаться не стали. Из дома только офицер что-то проорал, я уловил лишь призыв к обороне. Какая нафиг оборона, мы их задавили сразу, словно мух газетой. Офицера, в звании лейтенанта, пришлось прямо сквозь окно слегка подранить. Мои новые способности никуда не делись, срезал фрица из автомата, а когда его выволокли из дома, оказалось, что я ему только руки и прострелил. Удивились, правда, все, кроме меня, я-то видел, куда стреляю.

Улов был богатым. Три пулемета, шесть автоматов, куртка замшевая... Тыфу ты, запа-рился слегка. В общем, с оружием и патронами теперь полный порядок, да и на технике мы теперь. В бэтээре обнаружили миномет, ротный, но зато с запасом мин. Гранат вообще до хрена, причем и наших «эфок» ящик был. Так как «ганомагом» управлять никто не умел, ну, или не захотел, я пока был за водителя. Мотоциклы разобрали, все переделались в немецкую форму, но свою, в отличие от меня, никто не выбросил.

Через два часа после разгрома немцев в деревеньке мы уже подъезжали к лагерю с пленными. Этот был гораздо больше нашего, тут народу на две роты, не меньше, но и фрицев в охране достаточно. Достаточно для того, чтобы пресечь мысли наших бойцов о побеге, а вот для сопротивления нам уже и немного. Тут было, как и в деревне, взвод примерно, также при бэтээре и двух мотоциклах, только к ним еще и грузовик с тентом прибавлялся. Как оказалось позже, пустой, зараза.

Лагерь мы отбили на рассвете, переночевав буквально у немцев под носом, всего в двух километрах. Все как следует разведав, да, опять сам ходил, с восходом солнца ударили. Потери были минимальны, теперь-то мы с оружием все, это в деревне пятерых потеряли, тех, кто врукопашную бросился. Здесь лагерь был более похожим на самого себя. Две вышки по углам имелись, с пулеметчиками, конечно, но без прожекторов. По ним и ударили в первую очередь. Под грохот боя пленные бойцы рванули на колючку и ворота, полегло немало, но все же мы победили. Опять разбор оружия и боеприпасов, только теперь было все сложнее. В плену оказалось немало командиров, после разгрома охранников лагеря началось...

– Кто такие, представьтесь, кто командует? – Вопросы лились один за другим, словно из ушата. Сержант малость погрустнел, но позже шепнул мне, что даже рад скинуть с себя ответственность.

Среди комсостава оказалось два полковника, один майор, один капитан и семь лейтех, старших и младших. Были и политработники, две штуки, на удивление смирные. Больше всего выбесил один из полканов.

– Почему во вражеской форме, где ваше оружие и обмундирование, боец? – Блин, вот честно, хотелось просто в морду закатать.

– Там же, где и ваша форма, и ваше оружие, товарищ полковник! Не нужно так орать, мы вот с бойцами сами освободились, теперь вам помогли. Дальше пойдем, может, еще кому поможем...

– Куда это ты собрался идти? Нужно скорее к фронту двигаться, к своим! – Понятно, очередной герой мирного времени.

– А где он, фронт-то, вы знаете? – усмехнулся я.

– Нас разбили в двадцати километрах к востоку отсюда. Сколько фрицы могли пройти? Ну, километров сто, не больше...

– Они уже Минск взяли, товарищ полковник! – влез в разговор сержант. – Мы пленных брали, допрашивали.

– Что ты такое говоришь, боец? В своем уме? За паникерство у нас знаешь что положено? – Пилять, ну вот и делай добрые дела.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться? – брякнул я по-уставному и вытянулся.

– Чего еще? – недовольно, даже злобно, отозвался полкан. Неприятно ему, что перебил его какой-то красноармеец.

– Молчал бы уж ты лучше, вояка хренов, как товарищи твои делают. Обосрался, так стой и жди, когда уберут. Где бы ты был сейчас, не переоденься вовремя в солдатскую форму? Да закрой свою варежку, муха залетит. – Думаете, так не бывает? Да еще как бывает. А что он мне сделает, убьет? Так не факт, что я не успею его прежде положить. Остальные, вон, стоят себе спокойно, даже кажется, понимают, почему я так завелся. – Хочешь к нашим, на соединение? Вперед, никто не держит, а в немецком тылу тоже кому-то надо воевать. Если бы мы сразу ломанулись на прорыв, ты бы так и сидел за колючкой, а после бы тебя шлепнули, все равно кто-нибудь да ляпнул бы, что тут командиры есть, а уж политработников немцы вообще любят особенной, страстной любовью. Не слышал разве приказ по войскам вермахта? Даже я, простой боец, и то слышал. В первую очередь уничтожить весь командный и политический состав Красной Армии. Евреи и коммунисты должны быть расстреляны на месте. Раз ты переоделся, значит, что-то слышал и сделал выводы. Говорю еще раз. Фрицы за Минском уже, у них четкая организация, танки рвут оборону и уходят дальше, следом идет пехота и чистит все, что не доделали танкисты. Таких лагерей, как ваш, думаю, поблизости немало. Нужно собирать людей, вооружать, вот тогда и думать будем: прорываться на соединение или тут немцам кровь портить.

– А как? – вдруг довольно неуверенным голосом сломленного человека спросил полковник.

– Да элементарно! Вот вы, – выплеснув эмоции, я вновь заговорил, как положено, – товарищ полковник, много бы навоевали, если бы вам снабжение отрезали?

– Я так сюда и попал, потому что ни боеприпасов, ни пополнения не пришло.

– Вот и я о том же. Будем немцам здесь коммуникации рвать, тылы чистить, долго ли их порядок просуществует на голодном-то пайке?

– Ну, я не знаю...

– Зато я знаю, хоть и простой красноармеец. Товарищи бойцы и командиры, – выкрикнул я в голос, – кто хочет идти на соединение с нашими войсками, могут идти, даже оружие не отберем. Те же, кто хочет действительно помочь стране и своему народу, останутся со мной. Легко не будет, орденов тоже не обещаю, но фрицев мы с вами будем рвать так, что перья полетят. – Вокруг захлопали, люди с улыбкой на лицах и одновременно с яростью в глазах почти все шагнули ко мне, хотя я и не приказывал ничего.

– Товарищ командир партизанского отряда... – подал голос один из политработников.

– Слушаю вас, извините, не знаю вашего звания.

– Полковой комиссар Кривушин, Алексей Сергеевич, – представился комиссар, – а политработнику место в отряде найдется?

– Конечно, почему нет? Ребята, работа будет у всех, война идет такая, что никто не останется без дела. А политработник, товарищ полковой комиссар, даже необходим. Бойцов после плена нужно поддержать, не орать и стращать, а именно подбодрить и воодушевить на службу Родине.

Политинформацию я затянул минут на тридцать, что говорить, да все почти ко мне и перешли. Тот полковник мялся вначале, но я сам подтолкнул его к выбору.

– Товарищ полковник, а вам, я думаю, надо идти к нашим!

– Вы же только что обратное говорили? – удивился он.

– Да, но вы ведь не будете подчиняться младшему по званию, так? Да и кому-то нужно идти, сообщить командованию некоторые сведения. – Еще бы я тут три часа по-немецки писал, якобы показания немецкого полковника.

– А может, это липа? – с сомнением спросил полкан, узнав, что в документах.

– Нет, немецкий офицер был очень убедителен. Да и как тут врать станешь, когда тебе пальцы отрезают по одному.

– Что? Вы что, его пытали? – изумился командир.

– Да что вы, просто спросил, а чтобы он не забыл чего-нибудь важного, пришлось немного освежить его память.

Да, я решил оставаться в лесах Белоруссии и партизанить понемногу. Сейчас немец тут непуганый, порезвимся мы, я думаю, как следует. Сержант Черный изъявил желание быть моим заместителем, точнее, это именно он предложил мою кандидатуру на место командира отряда. Народу у нас было много, почти две сотни человек. Оружия почти хватает, но это не проблема, думаю, мы его легко раздобудем.

Первый же выход на «большую дорогу» принес нам целый грузовик винтовок и патронов к ним. Оружие было нашим, винтовки Мосина. Немцы везли трофеи к себе в тыл, на один из складов трофейного вооружения, а мы раздербанили колонну из трех машин и двух мотоциклов. Заодно узнали, где находится сам склад, оказалось, совсем недалеко, километрах в пятидесяти. В двух других грузовиках были раненые солдаты вермахта. Долго не знал, что с ними делать. Убивать не хотелось, но и отпускать было нельзя. Выручили бывшие пленные командиры.

– Занимайся своими делами, командир, мы разберемся.

Мои архаровцы угоняли в лес транспорт, там, под деревьями разберем груз и потащим на себе, не стоит прокладывать дороги к нашему лагерю. ППД мы устроили на болоте, найдя отличный сухой островок и дорожку к нему. Тропа единственная, хрен пройдешь, не зная пути, мы тоже не знали, но местный лесник помог. Место оказалось очень хорошим, скрыто со всех сторон, даже сверху, наверное, не видать, особенно теперь, когда натянули трофейные маскировочные сети. Выкурить нас отсюда можно только... не знаю, гаубицами, наверное, больше нечем. Танки не подогнать, лес кругом, причем сильно заросший. Если нас здесь обнаружат, то смогут максимум посадить корректировщиков с рацией, чтобы те давали указание артиллерии. Но мы тоже ведь не сидим просто так, постоянные патрули вокруг болота, секреты, на ближних и дальних подступах. Слава богу, что народу много, хотя при таких масштабах уже хотелось бы и побольше. Главной проблемой, как и предполагал в самом начале, стало продовольствие. Но переговорив с лесником, узнал кое-что обнадеживающее. Дело в том, что «хозяин леса» видел собственными глазами, как к лесу на северо-востоке от нас подъезжали машины и разгружались. Было это перед самой войной, машин было много, лесник был удивлен, поэтому и запомнил. А я вместе с этим вспомнил, что до войны командование наделало немало складов в лесах недалеко от границ. На завтра запланирован поход на поиски склада. Если найдем, будем в шоколаде.

Остров был немаленьким, позволял проводить небольшие тренировки личного состава. Лейтенанты из бывших пленных были вполне хороши, молодые, здоровые и умные парни, взяли на себя работу с личным составом. Старших командиров было немного, им я отдал на откуп планирование операций. Сам занялся любимым делом – разведкой. Окончательно скорешившись с Черным и подобрав еще трех парней, мы собрали разведгруппу. Шаримся пока в радиусе двадцати километров, но ввиду того что наш островок находится в глубине леса, ходить приходится далековато. Зато я спокоен пока за лагерь. Кстати, об обороне лагеря. Только на охране периметра у нас стоят восемь пулеметов, четыре миномета, плюс все вокруг в растяжках и минах.

– Зверюга, долго еще? – вывел меня из размышлений один из наших разведчиков. Невысокого роста, щупленький паренек лет восемнадцати. Он был настолько вертким и пластичным, что я чуть не назвал его форточником. Санька имел совсем детское лицо, которое при его фигуре давало ложное представление о возрасте, а соответственно и способностях парня. А это было совсем не так. Отличный стрелок, снайпер, он мог весьма тихо ходить по лесу и не боялся крови. Фрицев он резал только дай, пробовали уже, знаем. За белокурые волосы Сашка получил прозвище-позывной, да, естественно – Белый. В придачу к сержанту у нас скоро палитра соберется.

– Думаю, уже скоро. – Я и правда так думал. На поиски склада мы выдвинулись с той точки, где до войны разгружались машины, это лесник указал. На самом деле, с местом он немного ошибся, метров на сто, примерно, но нам удалось заметить метки возле корней деревьев. Найдя первую зарубку слева на одном из деревьев, я машинально пошел вправо и был вознагражден уже через сто метров. Смешно, конечно, конспирация на самом деле несерьезная. Хорошо, что склады были заложены лишь в этом году, поэтому зарубку и не увидишь, пока к земле не прижмешься. Вот если бы прошла пара-тройка лет, то тогда метки бы оказались выше, и их можно было бы заметить гораздо легче.

Так, по меткам, находя одну за другой, мы и шли. Отмахав несколько сотен метров по густому подлеску смешанного леса, мы наконец-то вышли к складу. Ошибки тут быть не могло. Кто будет в глубине леса ставить ограждение вокруг явно свежих построек? Конечно, только люди, устроившие здесь склад. После часа наблюдений мы решили, что охраны тут может быть человек шесть. Видели всего двоих, они практически не выходили из одного из трех сараев. Антенн здесь было не видно, проводов тоже никаких. Если связь у кладовщиков есть, то это будет нам подарком. На охране были задействованы бойцы из НКВД, а подготовка у тех что надо, да и упертые они, не знаю, если честно, как и договариваться будем.

Целых два часа потратили на план проникновения. Под конец я уже закипел и, просто встав, пошел к проволочному ограждению. Подходя вплотную, отмахнулся от совета пробраться тайком.

– Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто, в невысоком живет? – Нет, мышка-норушка не вылезла, и ответа я не получил. – Слышь, служивые, да знаю я, что вы тут, старшего смены позовите.

– Немедленно покиньте территорию, иначе открываем огонь на поражение, – откуда донесся этот призыв, я определил быстро. В стене одной из построек открылось окошко, или бойница, а из нее на нас уставился ствол «максима».

– Не дурите, парни, свои мы. Вы хоть знаете, что война идет? – спросил я, оставаясь на месте.

– Покиньте территорию немедленно! – повторили приказание. Мне кажется, я даже слышал, как лязгнул затвор «станкача».

– Хорошо, мы уходим, а вы сидите здесь, пока немцы вас не расхреначат!

– Поговори еще, – услышал я в ответ, но тихо и, кажется, не совсем уверенно.

Уйдя за ограждение и скрывшись в кустах, где сидели мои разведчики, уселся на землю и развязал завязки на сидоре.

– Чего делать хочешь, Игорек? – спросил сержант.

– Без крови не обойдемся, но склады нужны нам обязательно, не немцам же отдавать.

– Ты чего, хочешь наших бойцов пострелять? – изумился Черный.

– Ну, не насмерть же, так, подраню чуток, – ответил я, доставая гранату сюрприз. «Эфка» была пустой, только запал и хлопнет. Еще приготовил две немецкие дымовые гранаты и два ТТ. С левой стреляю я хуже, но все же могу. Тоже «бонусы», раньше вообще не мог. Сержант от таких моих откровений слегка «завис», но почти сразу очухался.

– Я с тобой! – заявил сержант.

– Даже не думай, там вдвоем не развернуться будет, да и сподручней мне одному.

Подкравшись под углом к складам, я зашвырнул первую дымовуху к тому зданию, откуда торчал ствол «максима», а вторую к соседнему. Рванув чуть в сторону и, дождавшись, пока дым поднимется, перепрыгнул через ограду. «Максим» затыкал, стреляли в ту сторону, откуда я кидал гранаты. Боясь, что пулеметчик может зацепить меня шальной пулей, я по широкой дуге, но не выходя из дымового облака, огибал площадку перед складами. Оказавшись под стеной, рассмотрел окошко, из которого стрелял пулемет, и аккуратно закинул туда свою гранату-сюрприз. За грохотом очередей я не слышал, как упала граната, но понял, что ее увидели, так как «максим» резко замолчал, послышалась возня, а затем раскрылась дверь и из помещения вывалились два бойца.

«Странно, всего двое?» – мелькнула мысль, но времени размышлять уже не было. ТТ в правой руке дважды кашлянул, и бойцы свалились на землю, держась за ноги. Ну, а как их еще уговорить? Осторожно заглянув внутрь помещения, откуда так быстро выскочили его обитатели, я удивился.

– И правда никого...

Выйдя вновь на улицу, я громко позвал своих товарищей. Боязни, что может выскочить кто-то еще, не было. Если тут кто и остался, так уже бы вышли и нашинковали меня как капусту.

– Сержант, гони сюда, надо этих служак ретивых перевязать. – Сам я пошел ко второму зданию, а точнее, непосредственно к складу. – Да не вопите вы так, сейчас перевяжут, говорил же, что надо поговорить! – с укоризной бросил я бойцам охраны, что крутились на земле. Хреново дело, нам их тащить придется, да одному как бы и не в колено попал... Гребаная война, в своих приходится стрелять.

Склад своим видом не впечатлял. Небольшое здание, скорее даже крепкий сарай, метров десять в длину и столько же в ширину, одноэтажный. Зайдя внутрь, замков тут почему-то не имелось, лишь засовы, я огляделся. Да, внешность бывает обманчива, правильное выражение. Склад оказался плотно забит, под самый потолок. Причем тут явно работали без спешки. Кругом были полки, а на них аккуратно установлены разнообразные ящики и тюки. Позже, когда разобрались с имуществом, оказалось, что в тюках военная форма, все, вплоть до шинелей и сапог. В ящиках же была жратва. Этот склад был просто подарком небес, меня даже наши командиры, что еще были недовольны положением дел в отряде, не укоряли за то, что стрелял в своих же красноармейцев.

Еще огромным плюсом было большое количество перевязочных средств и лекарств, в условиях отрыва от своих частей это было просто здорово. Из оружия было всего два «максима» да пара винтовок, несколько гранат – и все. Вопрос о малочисленности охраны объяснялся легко: оказывается, тут был полноценный взвод, да только все ушли, лишившись связи и увидев в небе самолеты противника. Наверняка сгинули ребята где-нибудь. Этих же двоих оставили охранять имущество, тем самым продлили им жизнь. А что, ранения оказались легкими, хоть и стрелял я навскидку, все же удалось не зацепить ничего важного, только мясо продырявил. Вот и выходит, что ребятки, оклемавшись, войдут в наш отряд и еще принесут пользу своей стране.

От раненых же стало известно, что где-то недалеко должен находиться и склад вооружения. Естественно, точно никто сказать ничего не мог, секретность, но один из парней уверенно заявил, что такой склад точно есть.

И все-таки я поспешил с выводами, что все прошло спокойно. Один из освобожденных нами командиров, причем не особист какой-нибудь, а вполне себе пехотный подполковник, решил проявить себя.

– Вы, – ладно хоть тыкать не стал, – боец, не имели права присваивать народное имущество. Эти вещи предназначены для войсковых частей, здесь обмундирования на целый полк!

– И что? – спокойно ответил я на этот спич.

– Все это, – подпол обвел взглядом наше новое имущество, – принадлежит Красной Армии.

– А вы себя из нее уже вычеркнули? – улыбнулся я. Подполковник Бульбанюк не знал, что сказать, слишком сильно было его возмущение. – Я вам напомним, если вы не против, товарищ подполковник...

– Я начштаба...

– Я уже говорил одному из ваших коллег, мне пофигу, кем вы были, главное, кто вы сейчас. Вы, – я чуть не ткнул ему пальцем в грудь, – бывший военнопленный. Вам удалось остаться в живых только потому, что вы переоделись в солдатскую форму. Когда вы еще были при своих бойцах, в своей части, вашим бойцам было что есть?

– Ну...

– Да без всяких ну, говорите! Благодаря такому вот, как вы, продовольствие в таком количестве лежало и ждало немцев, а наши бойцы ходят голодными. Если хотите, так такие, как вы, и есть первые враги народа! – Да, популярности среди командиров этот мой монолог мне не придаст, они и так недовольны, что подчиняются не пойми кому. Правда, я им еще и не приказывал ничего. А и плевать, главное, чтобы бойцы были сыты. Голодный солдат уже не воин.

– Ты точно все правильно рассчитал? – сержант Черный уставился на меня.

– Да вроде да, – спокойно ответил я.

Мы укрылись в лесу, на самой окраине. Отсюда до железнодорожного полотна метров двести всего. По обеим сторонам пути выставлены пулеметы, орудия, да и просто бойцы с винтовками ждут только сигнала. А готовимся мы отправить под откос эшелон противника. Вчера посылали разведку к ближайшей станции, что была на западе от нас, так вот ночью туда прибыл здоровенный эшелон, с танками и войсками противника.

Три дня назад мы благополучно закончили перевозить найденный склад вооружений и боеприпасов. Хрен бы мы это сделали, если бы не раздербанили приспешников Гитлера, полицаяв. Расхреначили из пулеметов вражеский обоз, но по лошадям не стреляли, вот и перевезли весь склад на телегах, благо было не очень далеко. На складе оказалось огромное количество взрывчатки и боеприпасов, винтовки, пулеметы, минометы, даже четыре «сорокапятки». Вот теперь мы и готовимся потрепать немчуру уже всерьез. Немец пока непуганный, это позже они все леса в Белоруссии вырубят вдоль дорог, а пока надо пользоваться. Как рассказали разведчики, что ходили к станции, эшелон реально огромный, думаю, его уничтожением мы неплохо поможем действующей армии. Да, нас пока мало, но шныряющие по округе разведчики уже присмотрели нам два лагеря военнопленных, будем освобождать соотечественников.

– Всем внимание! – сказал я в сторону сержанта, а тот продублировал дальше уже жестами.

Поезд медленно приближался к месту засады. Почему медленно? Да мы местечко такое выбрали, тут дорога поворачивает, машинисты по-любому скорость сбрасывают, мы уже это знали.

Все-таки со взрывчаткой я переборщил. Честно говоря, не хотелось рисковать, поэтому в фугас, что рванул впереди состава, под платформой с охраной, просто снес ее с полотна. Паровоз, засвистевший и отчаянно пытавшийся затормозить, прыгнул с рельсов следом за платформой. Танки, которые перевозили на следующих за паровозом таких же платформах, ничего нам сделать бы не смогли, никак. Зачехленные брезентом, грозные железные монстры были попросту не готовы к бою. С обеих сторон полотна полетел просто шквал огня и стали в

направлении немецкого состава. Немцы, прыгавшие на ходу, чтобы не перевернуться вместе с вагонами, попадали на мины и растяжки, что были установлены на откосах. Какой-то организации у гитлеровцев не было и в помине. Люди просто охренели от увиденного и произошедшего с ними. Ведь до сих пор они не сталкивались с таким сопротивлением, казалось бы на своей территории. Они платформы с охраной впереди паровоза только-только начали вводить, многие вообще едут без них, а тут такое. Бой длился минут двадцать, да и то потому что я дал бойцам вдоволь пострелять, накопело у людей. Война, почти сразу плен, а тут они получили возможность почти безнаказанно отомстить и за себя, и за Родину, вот и отрывались.

После быстрых подсчетов, с одновременным минированием танков и бронетранспортеров, захватом трофеев и отходом, мы спешно уходили в лес. На удивление, после такой бойни у немцев были и выжившие, даже не раненные. Семь солдат при одном обер-лейтенанте – это много, учитывая то, что расхреначили мы танковый полк. Да, сто килограммов тротила, мины, растяжки, орудия и двести человек смогли уничтожить вражеский полк. Причем немцам будет не восстановить поврежденную технику. Да, насыпь, рельсы, все это восстановят, но вот подорванные танки... Уходившие последними бойцы зажгли бикфордовы шнуры, что вели к взрывчатке, заложенной в боеукладку танков. Как позже рассказали те, кто должен был контролировать, от танков остались куски металлолома. Да и насыпь нужно очень постараться восстановить, сто кило тротила это все-таки сто кило тротила.

Эта диверсия принесла мне наконец-то расположение старших командиров, которые все еще не могли принять то, что ими командуют какие-то сержант и простой красноармеец. Тот же вечно недовольный подполковник Бульбанюк первым пожал мне руку, когда мы вернулись. Надо было видеть, как с мальчишеским задором уже седой бывший начштаба пехотной дивизии рассказывал, как он стрелял из пулемета по врагу, в буквальном смысле уничтожая последнего сотнями. Люди посмеивались, всех аж трясло от адреналина. Впервые с начала войны наши бойцы и командиры почуяли, что немец-то такой же смертный, что их также можно бить, причем сильно. В этой операции мы потеряли лишь троих человек, да шестеро были ранены. Да, к сожалению, совсем без потерь не обошлось, но что делать, война.

На некоторое время пришлось затихариться в нашем болоте. Немчура обозлилась, весь день летали самолеты. Весь отряд сидел тихими мышками, насколько это было возможно при таком количестве людей. Еще ранее нами была захвачена неработающая радиостанция, умельцы радисты, ага, были и такие, наконец-то ее воскресили. К огромной радости всех наших старших командиров, появилась связь с Большой землей. Среди наших командиров был один полковник, Васин Олег Александрович, кадровый военный, неплохой, но после плена замкнувшийся в себе мужик лет пятидесяти. Вот ему и приказали возглавить наш отряд. Не слушая брехунов, что выступали до этого, Васин попросил меня зайти к себе в землянку и прихватить сержанта Черного.

– Игорь, я назначен командиром партизанского отряда номер сто один, это нам такой присвоили. Я в курсе всех ваших недоразумений со старшим комсоставом, поэтому скажу сразу, я не разделяю их мнений, считаю, что вы вполне сложившийся командир, хоть и в звании рядового красноармейца... – командир сделал паузу, которой я решил воспользоваться.

– Виноват, товарищ полковник, просто не сдержался...

– Вы не дослушали, товарищ Зверев. Так вот, я присваиваю вам звание старшины и назначаю вас командиром разведгруппы, уже официально. Также без вас не будут разрабатывать операции, я не буду. Это понятно? – Вот, заканчивается анархия, в колхозе наконец-то появился председатель.

– Да, – просто ответил я. – Какие будут приказания?

– Пока никаких, я придерживаюсь вашей рекомендации, что мы должны немного переждать. Немцы развили нешуточную активность в нашем районе, хорошо, что железка, которую мы рванули, находится в тридцати километрах, иначе здесь уже было бы не протолкнуться.

Во всем этом меня напрягал лишь один момент. Нам приказали пока сидеть на месте и не рыпаться, а оседлый образ жизни партизана ведет к скорой смерти. Да, это именно я заволок весь отряд в это болото, но я хотел сделать здесь лишь постоянную базу, на которой можно укрыться в случае нужды, но находиться здесь всем отрядом...

– Товарищ командир, считаю, что нам нужно уводить основные силы отряда. Вокруг полно непуганых идиотов, то есть врагов, конечно. Ребята уже разведали два лагеря, там люди умирают, а у нас есть возможность их освободить. Да и нам это необходимо. Реальный шанс увеличить численность отряда.

– А где будем прятать такое количество бойцов и командиров? – оторвался от своих размышлений полковник Васин.

– Разбиваем отряд на несколько маневренных групп, на крупные операции будем собираться вместе, но в основном каждая действует сама по себе. Рассредоточимся по окрестным лесам, хрен нас кто найдет, если сами не поможем.

– Думаешь, нам позволят это сделать? Я имею в виду командование?

– Ну, товарищ полковник, где командование, а где мы!

– Что ты хочешь этим сказать? – хмуро посмотрел на меня новоназначенный командир.

– Только то, что уже сказал. Считаю, что нужно освобождать из лагерей наших людей, вооружать и устраивать немчуре сладкую жизнь. Да, здесь, в Белоруссии. Как развернемся, пойдем на Украину, это наша земля, и на ней мы хозяева, а не немцы. Когда укрепим и стянем на себя достаточно сил противника, вот тогда и будем требовать от командования поддержки извне. Я надеюсь, что нам удастся своими действиями доказать, что фронт можно держать не только на передовой, но и в тылу противника.

– Что ты сможешь сделать здесь, боец? – устало, но еще сомневаясь, спросил полковник.

– Я уже не старшина? – удивился я.

– Я оговорился, так все же?

– А что, вы считаете, мы мало сделали? Так это только репетиции, концерты позже начнутся. Любая война – это прежде всего деньги, то есть снабжение. Если мы будем рвать это снабжение, как тузик грелку, хрен у фашистов что получится в дальнейшем марше по нашей земле.

– Может... Может, ты и прав, старшина. Одного не пойму, почему я, а не ты сейчас в звании полковника?! – встрепнулся, но все же сдержал свои эмоции командир.

– Так надо кому-то и на земле трудиться, в штабах у нас есть кому сидеть, – это я опять не подумав ляпнул.

– Полегче, приятель. Не все командиры в штабах отирались, многие и воюют.

– Виноват, товарищ полковник, конечно, вы правы, – я опустил взгляд на орден Красной Звезды на груди командира. Вот же загадка. Формы у Васина нет, в плен попал в солдатской, а орден умудрился сохранить! Это еще раз доказывает, что фрицы сейчас непуганые, надо пользоваться.

Узловая станция охранялась хорошо, ну, это немцы так думали. Неделью назад мы освободили очередной лагерь, так, не очень большой, триста двадцать человек, есть и больше, но что гораздо важнее, в этом лагере было много танкистов и артиллеристов. Я не случайно обмолвился о больших лагерях. Один из трех, что освободили за последние две недели, пополнил наши ряды сразу двумя тысячами бойцов и командиров. Последних вообще от стенки взяли. Сорок восемь человек младших и средних командиров РККА держали в одной из деревень. Мы получили информацию о них через мальчишек, которые случайно попались нам в лесу. Комсостав уже готовили к расстрелу, а тут мы. Перебить взвод немчуры и два десятка полицаев было плевым делом для отряда в четыре сотни бойцов. Врагов даже не пришлось отлавливать по деревне, они сами сдались, едва увидели, какими силами окружена деревня. Пободаться пришлось лишь с предателями, тем терять было нечего, поэтому пытались отстреливаться,

даже ранили троих наших и убили одного, прежде чем их перестреляли. Сдавшиеся немцы тоже пошли под нож, освобожденные нами пленные попросили лишь штыки и сами вырезали весь взвод немецких солдат. А чуть позже на деревьях повисли предатели.

– Зверев, ты уверен, что нам по силам захватить эту станцию? Разведка доложила о целой роте охраны, плюс у них и танки есть, и зенитки...

– Товарищ командир, так я и докладывал. Сам там был и все видел. Я же предложил вам план, весь расклад перед вами, если не дадите добро, будете позже жалеть.

– Да я понимаю, что захватить целый батальон танков противника цель лакомая, но что мы с ними делать будем? – Порой Васин меня просто «убивал» своим пессимизмом. Нет, он был вовсе не из тех командиров, что тупо тянули лямку и старались сидеть не высываясь. Васин отлично командует, не зря именно его назначили главным партизаном края.

– Воевать будем, у нас танкистов скоро на полк наберется, пора бы их техникой обеспечить да в дело включать.

– Так расхреначат нас сразу. Это нас сейчас не видно, а как технику прятать?

– А чего ее прятать? Движение – жизнь! – Да уж, умею я вдохновлять людей. Даже в детстве, будучи мальчишкой совсем, легко заводил район на драку с другим. Вот как-то слушали меня все, заводила, блин.

Подходы к станции были проверены заранее. Подразделения выдвинулись с разных сторон так, чтобы подойти одновременно. Мне было жалко терять даже простые грузовики, поэтому идем только со стрелковым оружием. Минометы и пушки оставили в лесу. Да, возможно, поляжет больше людей, но техника нужна нам целиком и в исправном состоянии. Шутка ли, взять целый танковый батальон со всеми средствами усиления одним махом, раз, и на танке уже мы.

Снайперы, а их у нас было два десятка, заняли позиции и были готовы к работе. Выдвигаемся по их сигналу. В первую очередь ребята уничтожат расчеты зениток. Двустольные скорострелки для нас ой как опасны. Танков в охранении всего четыре. Они прикрывают станцию с двух направлений и на них нацелены специально выделенные бойцы. Удастся захватить – великолепно, нет, тоже неплохо.

Вот вроде ждал начала операции, не отвлекался, а все равно бой начался как-то неожиданно. Звук стрельбы снайперских винтовок разносился по округе. Было легко определить, откуда и кто стреляет. Немцы в основном огрызались короткими очередями. Лишь откуда-то со стороны складов, били сразу два МГ.

– Старшина, возле пакгауза задница, – рядом плюхнулся один из бойцов, что был наблюдателем и докладывал обстановку.

– Сам слышу, что с людьми?

– Да почти всех положили. Там отделение Нечаева шло, как немцам удалось замаскировать два «станкача», ума не приложу.

– Каждый план хорош только до первого выстрела... Они там еще, небось, и пути все простреливают, хрен подойдешь, так?

– Точно...

– Позови мне Буряту, быстро!

– Бегу! – Умчавшийся боец скрылся с глаз. Спустя несколько томительных минут меня осторожно потрепали за сапог. Ага, кто-то подполз из наших и боится напугать случайным возгласом. Оборачиваюсь. Рядом со мной лежит худая фигура в немецком камуфляже, но с таким разрезом глаз, что хрен его с фашистом перепутаешь.

– Бурят, ну чего, мне самому ползти убирать этих сраных пулеметчиков? – огрызнулся я.

– Командир, ну ты же сам запретил к вагонам приближаться! – Это он правду говорит. – А этих, – боец указал рукой на склады, – только оттуда достать можно.

– Боец, тогда было нельзя, теперь – давно пора! Бегом туда, давай сам, в тебе я уверен на все сто. Убирай это дерьмо, парни там ложатся один за другим десятками, все, вперед!

Этот Бурят, с совершенно русскими именем и фамилией, был таким классным стрелком, что когда я увидел, как он стреляет, хотелось спросить, а нет ли у него каких-нибудь «бонусов», типа моего зрения. Парень сбил «штуку» на пикировании, просто навскидку из «мосинки», без всякой оптики. Позже, когда случайно в одном из сел мы захватили трофей какого-то спецподразделения фрицев, он получил великолепную снайперскую винтовку на базе Kar98. Ну да, пришли в село, хотели полицаев чуток поспрошать о том, что в округе делается, а тут эта спецгруппа. Девять человек, все экипированы по последней моде, даже грим и смеси от собачек были. То ли егеря какие, то ли команда снайперов со вторыми номерами и радистом, но мои бойцы их завалили. Почему не допросили? А не получилось. Наши пришли в село, а там никого из местных, все местные жители убиты и сташены в один из сараев. А снайперы эти самогон хлещут в одной хате. Ну, парни и погорячились немного, просто перестреляли немцев, да и все.

– Боркин?

– Я тут, товарищ старшина! – раздался голос посыльного.

– Бегом, предупреди наших на левом фланге, чтобы не вылезали, пока не заткнутся пулеметы, сигнал – зеленая ракета, по ней все идем вперед на штурм, запомнил? – Вот вроде я и простой старшина-разведчик, но Васин полностью доверил мне управление боем, и, кажется, я даже справляюсь.

– Конечно, товарищ командир. – Наблюдатель, он же посыльный, уполз выполнять поручение, а я посмотрел в бинокль. Хоть уже и было темновато, но все же станция хорошо просматривалась. Перед началом операции были сомнения по поводу выбранного времени, но сейчас вижу, что не ошибался. Лес подходил к станции довольно близко, и моим бойцам удалось скрытно приблизиться, что вряд ли получилось бы, пойдя мы днем или утром.

Из раздумий меня вырвал хлопок, и в небо со стороны путей взметнулась ракета. Все, теперь включаем форсаж и вперед!

За мной бежал Боркин с автоматом, он же пер на себе и рацию. С противоположной стороны стрельба резко усилилась, и я уже невооруженным взглядом видел, как наши бойцы появляются на путях и возле строений станции. Это уже идут отряды бойцов под руководством лично полковника. После уничтожения этих двух ушлепков, что заныкались со «станкачами» и не давали нам пройти, все прошло просто идеально. Особенно порадовал доклад танкистов, уже осматривающих платформы с танками.

– Товарищ командир, нам нужно около двух часов, чтобы разгрузить технику...

– Капитан, у вас час, больше времени нам фрицы не дадут! – оборвал я командира танкистов. Я его понимал, техника незнакомая, да еще стоит на платформах состава, но относительно времени я был прав. Всего в десяти километрах отсюда стоит большая часть немецких войск. Им сюда дойти дело получаса. Подступы с того направления сейчас минируются, на какое-то время мы врага задержим, но не нужно забывать, что у фрицев есть авиация.

– Я понял, разрешите выполнять?

– Конечно, товарищ капитан, как спускать будете?

– С этим повезло, товарищ командир, – все, кто старше меня по званию, избегали называть меня старшиной, звали командиром, – там пандус есть, сложность только в движении по платформам, если выдержат, все успеем.

– Дерзайте, я надеюсь на ваше умение! Да, первые танки сразу пусть идут к минному полю, на случай появления врага.

Вообще, все, кого Васин направлял по моей просьбе в мое подразделение, достаточно легко принимали факт того, что я всего лишь старшина. Как мне рассказали те бойцы, что со мной с самого начала, новички думали, что «старшина» это по легенде. Да что говорить, сам

Васин хоть и был назначен командованием, а все равно нет-нет да и пытался вывести меня на откровенность. А что мне было ему говорить? Так и отвечал: хотите жить и громить немцев, тогда прислушивайтесь ко мне, и все будет тип-топ. Взвалил я на себя много, конечно, но после захвата этой станции, думаю, просто возглавлю разведку, пусть уже наконец-то старшие командиры думают. Нет, просто пустить всю технику и бойцов на убой, как многие из них делали до этого, я не дам, но и лезть за «штурвал» не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.